



МАЛАХИТОВАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

К 145-летию уральского писателя
Павла Петровича Бажова

Министерство культуры Свердловской области
Государственное бюджетное учреждение культуры Свердловской области
«Свердловская областная межнациональная библиотека»

МАЛАХИТОВАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
к 145-летию уральского писателя
Павла Петровича Бажова

календарь • 2024

Екатеринбург

2023

83.3(2Рос=Рус)

М18

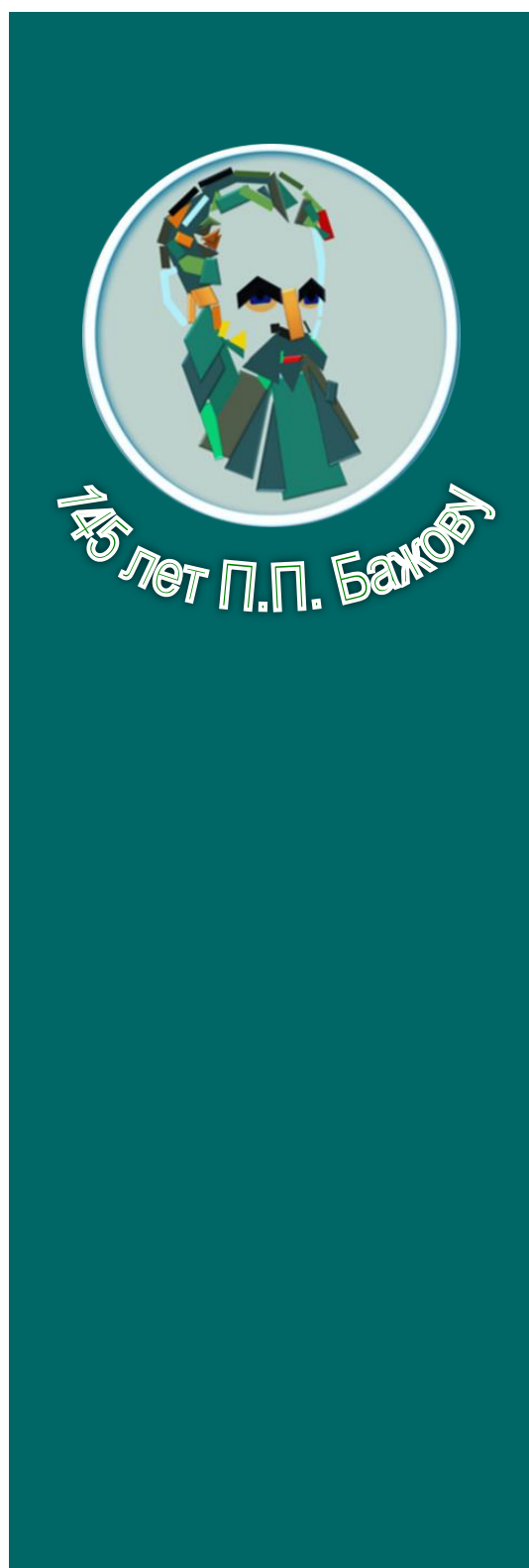
М18

Малахитовая коллекция : к 145-летию уральского писателя Павла Петровича Бажова : календарь-2024 / Министерство культуры Свердловской области, государственное бюджетное учреждение культуры Свердловской области «Свердловская областная межнациональная библиотека» ; составитель О. И. Калинина. – Екатеринбург : СОМБ, 2023. – 81 с. : ил. – Текст : непосредственный.

83.3(2Рос=Рус)

© Государственное бюджетное учреждение культуры
Свердловской области «Свердловская областная
межнациональная библиотека», 2023

СОДЕРЖАНИЕ



| | |
|--------------------------|----|
| БАЖОВСКИЙ КАЛЕНДАРЬ | 4 |
| ЯНВАРЬ | 7 |
| ФЕВРАЛЬ | 19 |
| МАРТ | 22 |
| АПРЕЛЬ | 27 |
| МАЙ | 33 |
| ИЮНЬ | 39 |
| ИЮЛЬ | 42 |
| АВГУСТ | 47 |
| СЕНТЯБРЬ | 52 |
| ОКТЯБРЬ | 57 |
| НОЯБРЬ | 61 |
| ДЕКАБРЬ | 66 |
| ПОСЛЕДНИЙ ЛИСТ КАЛЕНДАРЯ | 71 |

БАЖОВСКИЙ КАЛЕНДАРЬ



” СРЕДНИЙ УРАЛ. ДО САМОГО ГОРИЗОНТА УХОДЯТ НЕВЫСОКИЕ ГОРЫ, ПОКРЫТЫЕ ГУСТЫМ ХВОЙНЫМ ЛЕСОМ, КОЕ-ГДЕ ГОЛУБЕЮТ ОКОНЦА ОЗЕР, ЯРКОЙ ЗЕЛЕНЬЮ СВЕРКАЮТ ДОЛИНЫ НЕБОЛЬШИХ РЕЧУШЕК (ОПИСАНИЕ ДЛЯ НЕЙРОСЕТИ).

В одной из таких долин раскинулся завод Полевской. Здесь и прошли детские годы известного уральского сказочника. Страстно влюбленный в родной край, П. П. Бажов исходил Урал вдоль и поперек.

С охотничьим ружьем за плечами он забирался в самые глухие уголки, наведывался на забытые прииски и повсюду, где бы ни был, неутомимо записывал народные пословицы, побасенки, легенды. Заслуга писателя в том, что он огранил, отшлифовал найденные им «камни», вложил их в чудесную словесную оправу.

2024 год – год юбилея П. П. Бажова. Мы создаем Бажовский календарь, где каждый месяц года будет посвящен герою сказов писателя. Написанные в 30-е – 40-е годы XX века сказы П. П. Бажова продолжают играть важнейшую роль в приобщении подрастающего поколения к культурному коду уральской горнозаводской цивилизации и традиционным духовным ценностям. Образ самого П. П. Бажова не только в сознании молодежи, но и в сознании их родителей сводится к «доброму дедушке-сказочнику». Этот упрощенный образ нам бы хотелось раскрасить новыми красками и словами. Наш уральский сказочник стал не просто свидетелем, но и активным участником важнейших событий своей исторической эпохи. А наша эпоха отдает дань уважения таланту великого писателя, фольклориста и этнографа.



Как бы выглядели сказы Бажова в фантастическом произведении? Мы попросили нейросеть изобразить бажовских персонажей по описанию самого автора уральских сказов. Если раньше Малевич, Кандинский и другие великие художники были для нас недостижимы, то сегодня мы можем хоть немного, но почувствовать и себя настоящими гениями изобразительного искусства, ведь нейросети рисуют по описанию и создают самые настоящие шедевры. Этот опыт нам показался интересным, ведь уже вышли комиксы по сказам П.П. Бажова! Теперь сказы Павла Бажова можно не только читать в классическом виде, но и рассматривать комиксы на современный лад!

Мы представляем героев «Малахитовой шкатулки». Этой книге в 2024 году исполняется 85 лет. Первое издание ставшей впоследствии знаменитой «Малахитовой шкатулки» состоялось в 1939 году. На основе 59 его сказов, написанных в разные годы, создано более трех десятков художественных и мультипликационных фильмов, пьес, опер и балетов, симфонических поэм и оркестровых сюит.

Сборник Уральских сказов – целое культурное событие для Урала. В нем угадываются народные мотивы, только они переплетены с важными для Урала темами: трудолюбие, терпение и умение. «Малахитовая шкатулка» может показаться одновременно легкой и тяжелой, странной и обычной, какой-то волшебной и повседневной.

” СКАЗЫ ПАВЛА БАЖОВА ПОСВЯЩЕНЫ ТРУДОВОМУ ЛОДУ СТАРОГО УРАЛА. ПРОСТЫМИ СЛОВАМИ ОН РАССКАЗЫВАЕТ О ТЯЖЕЛОЙ, ПОДНЕВОЛЬНОЙ ЖИЗНИ РУДНИЧНЫХ РАБОЧИХ, ДОБЫВАЮЩИХ ЖЕЛЕЗО И МЕДЬ, МАЛАХИТ И ДРАГОЦЕННЫЕ КАМНИ, О ВДОХНОВЕННОМ ТРУДЕ КРЕПОСТНЫХ МАСТЕРОВ, СУМЕВШИХ ВДОХНУТЬ ЖИЗНЬ В МЕРТВЫЙ КАМЕНЬ. ПОЧТИ ВСЕ, О ЧЕМ ПИШЕТ БАЖОВ, БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ (ОПИСАНИЕ ДЛЯ НЕЙРОСЕТИ).



Знакомство с героями Бажова с помощью нейросети, на наш взгляд, будет интересным не только коллегам, но и нашим читателям. И он подойдет к книжной полке, чтобы взять в руки книгу сказов и будет читать...

ЯНВАРЬ

НАРОДНЫЙ ФОЛЬКЛОР БАЖОВА



” УРАЛЬСКИЙ ПИСАТЕЛЬ ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ БАЖОВ. НЕМОЛОДОЙ, НО СИМПАТИЧНЫЙ, ЗДОРОВОГО СЛОЖЕНИЯ, С ДОВОЛЬНО ОКЛАДИСТОЙ БОРОДОЙ, С ГРУСТЬЮ И ХИТРИНКОЙ В ДОБРЫХ И МУДРЫХ ГЛАЗАХ (ОПИСАНИЕ ДЛЯ НЕЙРОСЕТИ).

Бажову очень идет его борода, как шла она другому нашему мудрецу – Льву Толстому. Чтобы написать сказы, для этого самому надо было быть средоточием векового опыта, мудрости.

Не только фотографов – живописцев, скульпторов, графиков неизменно привлекала к себе личность Бажова, облик старого уральского сказочника.

«Какая чудесная «натура» – Павел Петрович! Эти серебряные волосы и борода, этот чистый просторный лоб, в котором так и читается мудрость и полет фантазии...» – это высказывание художника, встречавшегося с Бажовым, приводит в своих воспоминаниях Анна Караваева.

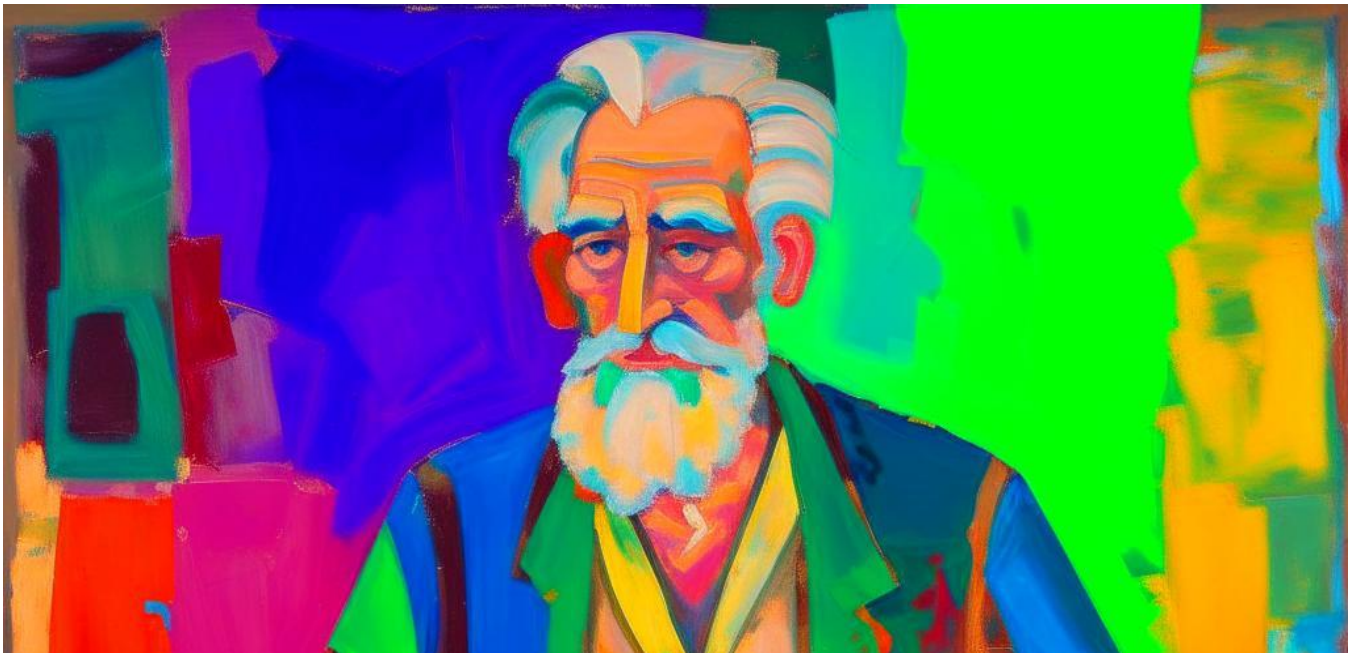
В начале 1941 года, во время короткого приезда Бажова в Москву, его рисовал один из старейших советских художников Василий Рождественский. Он оставил нам не только бажовский портрет, но и воспоминания:

«У Бажова типичное русское лицо. Светло-голубые глаза, седеющие брови с разлетом. Взгляд зорек и прям – взгляд человека, стремящегося к правде... Когда смотрю в светлые глаза Павла Петровича, хочется подкрасить их в рисунке нежно-голубой акварелью. Ясность этих глаз напоминает тихие «старицы» уральских долин...» (описание для нейросети)



” Е. ПЕРМЯК ТАК ВСПОМИНАЛ О БАЖОВЕ: «Я ПОЗНАКОМИЛСЯ С ЛЮБЕЗНЫМ, МЯГКИМ, РАСПОЛАГАЮЩИМ К СЕБЕ ЧЕЛОВЕКОМ ЛЕТ ПЯТИДЕСЯТИ... КАШТАНОВАЯ, ШЕЛКОВИСТАЯ, ХОРОШАЯ БОРОДА... БЛУЗА, ПОДПОЯСАННАЯ ШИРОКИМ РЕМНЕМ. РАБОЧАЯ КЕПКА. БРЮКИ, ЗАПРАВЛЕННЫЕ В САПОГИ. К ТОМУ ЖЕ НЕВЫСОКИЙ РОСТ, МАЛЕНЬКИЕ РУЧКИ, МАЛЕНЬКИЕ НОЖКИ И БОЛЬШАЯ КРАСИВАЯ ГОЛОВА С ВЫСОКИМ ЛБОМ. ЕГО ШИРОКО РАЗРЕЗАННЫЕ ГЛАЗА... СВЕТИЛИСЬ БИРЮЗОЙ. ОНИ ИЗЛУЧАЛИ ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ.

ОНИ БЫЛИ ОТЕЧЕСКИ, ПОКРОВИТЕЛЬСТВЕННО НАСМЕШЛИВЫ».



Образ Бажова покоряет благородством, достоинством, каким-то внутренним светом. Бажов был ученым-уральцем, и его труды по этнографии, лингвистике и фольклору стали основой для многих исследований. Бажов собирал народные сказки и легенды, а также собирал уникальные экспонаты для музеев.

Благодаря этому, в его сказках прослеживается высокий уровень исторической достоверности, что делает его произведения еще более ценными для исследователей. Бажов был мастером воплощения уральских традиций в литературе. Его сказки являются прекрасным примером того, как можно использовать фольклорные мотивы для рассказа удивительных историй

Д. Зеленин, этнограф и фольклорист, собирая в начале века в Пермской губернии сказки, пришел к выводу, что «на Урале сказка – нечто международное». Международный колорит. А мы говорил «международный» сохранил и передал в своих сказках П. П. Бажов.

Павел Бажов вырос в семье горного мастера на Урале и с детства был знаком со многими народными преданиями и легендами своего края. Он слышал разные волшебные и мистические истории от рабочих, которые трудились на выработках в горах, он вспоминал о рассказах известного уральского сказочника деда Слышко, и конечно на мальчика эти истории произвели большое впечатление.

Эти истории литературоведы называли народным рабочим фольклором, но иначе их можно назвать народными преданиями и легендами. Многие в этих преданиях роднит их с древнерусским фольклором, сказочные сюжеты, романтические герои, волшебные силы и существа.

МАЛАХИТ – ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ПРЕДМЕТ ФОЛЬКЛОРА БАЖОВА

” УРАЛ ЗЕЛЁНЫМ СВЕТОМ ОЗАРЁННЫЙ. МАЛАХИТОВЫМ СВЕТОМ ЕГО ОЗАРИЛ БАЖОВ (ОПИСАНИЕ ДЛЯ НЕЙРОСЕТИ).

Ярко-зеленый цвет его и магическая сущность манили покупателей. Царицы носили этот камень с достоинством, не подозревая о том, что от него веяло не только красотой магической, зеленью небесной, но и смертью простых рабочих Урала.

” СТАРАТЕЛИ, КАК ИХ НАЗЫВАЛ САМ БАЖОВ, ГОРНЯКИ И ОСТАЛЬНЫЕ РАБОЧИЕ ЗАВОДА ДНЯМИ И НОЧАМИ КОРПЕЛИ НАД ГОРНОЙ ПОРОДОЙ И УДАРАМИ СВОИХ ИНСТРУМЕНТОВ ОБ СКАЛУ ВЫДИРАЛИ ПОРОДУ ИЗ КАМНЯ (ОПИСАНИЕ ДЛЯ НЕЙРОСЕТИ).



Однако, были эти старатели крепостными крестьянами, не могли они отойти от места работы своей и соответственно днями и ночами выковыривали малахит, теряя свое здоровье и молодость. Для того чтобы не так тяжело было работать придумывали они во время перерывов сказки разные, а перед глазами у всех малахит. Зеленью все блестит.

Представить не сложно, как горняк целый день об породу инструмент долбит, видит лишь темную скалу и тут вдруг появляется заветный камушек, такой яркий и красивый, что глаз не отвести, да и старания вспоминаются.

” ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ И ПРИДУМАЛ ЗЕЛЕНЬ УРАЛЬСКИЙ МИФ. ЦВЕТ ЭТОТ ОЧЕНЬ ХОРОШО СООТНОСИТЬСЯ С РОССИЕЙ, МОЖНО ПРЕДСТАВИТЬ ПОЛЯ С ТРАВКОЙ ЗЕЛеноЙ, ЛЕСА, ГДЕ БЕРЕЗКИ СТОЯТ, А ПОД НИМИ ТОНЕНЬКАЯ ТАКАЯ ТРАВА ОСТРАЯ КОЛЫШЕТСЯ.



Вся жизнь добытчиков уральских была завязана на малахите, соответственно и фольклор народный образовался вокруг этой магической породы, которую так тяжело было добывать, и также тяжело было терять. Вот Бажов и создал «Малахитовую шкатулку». Можно сказать историю уральского народа.

БАШКИРСКИЙ ГОРНЯЦКИЙ ФОЛЬКЛОР

Башкирский горняцкий фольклор послужил П. П. Бажову благодатным материалом для создания многих его уральских сказов, в которых отразилась общность условий труда и быта, жизненных стремлений русских и башкирских горнорабочих. Это определялось своеобразным переплетением разных национальных традиций фольклора Урала. Бажов был очевидцем тесного общения русских с башкирами не только в производственной сфере, но и в повседневном быту. Он живо ощущал воздействие башкирской фольклорной традиции на русскую: *«При всей замкнутости сысертского заводского округа в пору крепостничества все-таки на горных заводах были заняты и башкирцы. Об этом легко догадаться хотя бы по речевым признакам. Кроме широко распространенных слов вроде: елань, тулаем и др., здесь были понятны и такие, как сармак (выгода, польза), камча (плеть); встречалось даже русское словообразование от башкирских корней, например, тартмачить (торговать вразнос). Понятно, что и башкирский эпос был в какой-то мере известен русским горнякам, и ходовой в башкирской сказке образ лисички-свахи перешел, видимо, отсюда».*

Из созданных П. Бажовым сказов несколько являются прямым «переложением» башкирских сюжетов. В них обстоятельно воссоздаются особенности природы края, условия жизни и быта его обитателей, преобладающий характер горнозаводского труда в производстве, в развитии которого, наряду с русскими, активное участие приняли и башкирские горнорабочие.

П. П. Бажов рисует неповторимую красоту башкирского края, его просторы, крутые горы, окруженные непроходимыми лесами и в других своих сказах. «Теперь лес – в небо дыра, а в ту пору – и вовсе было ни пройти, ни проехать, – читаем мы в сказе «Золотой Волос». – В лес только те и ходили, кто зверя промышлял». А башкирам, «видишь, для скота приволье требуется, где еланки да степочки».

Оказавшись в неведомом лесу, герой сказа башкирский охотник Айлып (восходит к имени «Алп-Алпамыш», героя сказок и эпических сказаний тюркских и среднеазиатских народов, что значит «Богатырь-Великан») «выбрал листовку повыше, да и залез на самый шатер. Глядит, недалечко от той листовки речка с горы бежит. Небольшая речка, веселая, с камешками разговаривает и в одном месте так блестит, что глаза не терпят.

«Что, – думает, – такое?»

Глядит, а за кустом на белом камешке девица сидит красоты невиданной, неслыханной, косу через плечо перекинула и по воде конец пустила. А коса-то у ней золотая...».



Строительство заводов и приисков сопровождалось выведением девственных лесов, вытеснением с насиженных мест жителей башкирских деревень. Об этом сохранилось множество устных рассказов и преданий, которые до сих пор можно услышать во всех районах юго-восточной Башкирии.

Печальную участь коренного населения Урала выпукло воспроизвел, используя народную прозу, П. П. Бажов в сказе «Демидовские кафтаны». Яркие детали, характеризующие историю расхищения башкирских земель заводчиками, мы найдем и в других сказах «Малахитовой шкатулки» (в сказе «На том же месте» о трех купцах-кабатчиках Злоказовых рассказывается, что они «сперва башкир обставили...», а потом безнаказанно продавали всяким иностранцам земли под разработку, за что один из купцов был удостоен титула английского баронета).

В сказе «Демидовские кафтаны» эта тема раскрывается особенно глубоко. Здесь взволнованно повествуется о судьбе маленькой башкирской деревушки, которую один из наследников Никиты Демидова стер с лица земли, чтобы построить там новый завод. Молодежь он заставил выполнять непосильную работу, а над стариками, переселенными за сотню верст к озеру Иткуль, учинил жестокую расправу за то, что те отказались от барской «милости» – оскорбительного для религиозного чувства мусульман свиного мяса.

Потеряв надежду на справедливость, и не вынеся издевательств заводчика, возмущенные иткуловцы при поддержке «руднишных» из односельчан подняли бунт и стали мстить обидчикам. Народ был озлоблен настолько, что, несмотря на свирепые карательные меры, еще долго не давал покоя барам да большому заводскому начальству, а новый хозяин своим приближенным наказывал пуще всего остерегаться жителей этой деревни.

И верно, когда началось восстание Пугачева, *«иткульские из первых к нему приклонились... Как уж пугачево дело по другим местам на нет сошло, в этой деревнешечке его не забыли. Нет-нет оттуда выбежит человек пяток-десяток, на лошадях, конечно,... какого-нибудь заводского барина за горло взять».*

Выступление доведенных до полного разорения жителей башкирской деревушки показано здесь как стихийное явление, неосознанный взрыв негодования. Позднее они первыми примкнули к пугачевским отрядам. Нетрудно понять, что они храбро сражались в рядах повстанцев, хотя автор сказа никаких сведений на этот счет не приводит.

Также упоминается только об участии башкир в Крестьянской войне и в сказе «Кошачьи уши»: *«Говорят, башкирцы бунтуются... По дальним заводам, по деревням и в казаках народ поднялся, и башкиры с ними же заводчиков да бар за горло берут, и главный начальник у народа Омелян Иваныч прозывается».*

Относительно широкую картину Пугачевского восстания мы находим в сказе «**Старых гор подаренье**». Здесь нет подробного изображения боевых действий башкир-пугачевцев, но, упоминая о военных действиях Салавата, П. П. Бажов подчеркивает: *«никакая сила против него устоять не могла».* В этом сказе П. П. Бажов применяет традиционную для легенд об избавителях поэтическую аллегорию бессмертия батыра: *«По письменности, сказывают, Салавата казнили царицены прислужники, только башкиры этому не верят. Говорят, что Салават на Таганай ушел, а оттуда на луну перебрался».*

Идеями братской дружбы русского и башкирского народов проникнуты многие сказы «уральского волшебника» П. П. Бажова. Эта дружба отмечена развивавшимися на протяжении веков теснейшим общением, совместной работой, сходными особенностями быта и часто одинаковыми формами проявления духовной жизни и культуры.

В сказе «**Старых гор подаренье**» П. П. Бажов устами старого мастера говорит о нерасторжимости уз, которые навсегда соединили два народа:

«Бывает, что в русской семье поминают бабу Фатиму, а в башкирской, глядишь, какая-нибудь наша Маша-Наташа затесалась. Известно, с давних годов башкиры с русскими

при одном деле на заводах стояли, на рудниках да на приисках рядом колотились. При таком положении немудрено, что люди и песней, и сказкой, да и кровями перепутались. Не сразу разберешь, что откуда пришло... Если ниточку до конца размотать, так, пожалуй, дойдешь до старого сказа. Не знаю только, башкирский он или русский».

Изображая дружбу двух изувеченных на подземной работе горщиков, русского Вахоню и башкира Узеева, П. П. Бажов в сказе «Солнечный камень» показывает, как они, люди новой страны, делают все от них зависящее, чтобы приумножить и поставить на службу народу неизведанные сокровища недр.

С особой симпатией нарисован образ Садыка Узеева, прозванного «Сандугач» («Соловей»): забойщик-башкир «был характера веселого, попеть, и поплясать, и на курае подудеть большой охотник».



Опровергая утверждения о приоритете немцев, якобы научивших златоустовских мастеров варить знаменитую сталь об «иностранном происхождении» аносовского изобретения, П. П. Бажов прямо заявляет, что русским «было у кого поучиться», имея в виду, само собой разумеется, башкир, которых «тоже забывать не след. Эти и вовсе задолго до наших в здешних местах поселились. Народ, конечно, небогатый, а конь да булат у них такие случались, что век не забудешь».

Иной раз такой узор старинного мастерства на ноже либо на сабле покажут, что по ночам тот узор тебе долго снится» («Иванко Крылатко»); «коли непременно надо родню искать златоустовскому булату, так она в тех старинных ножах и саблях, кои иной раз попадают у башкир...» («Коренная тайность»).

Не исключено, что молниеносная шашка, – которую преподносит Салавату загадочный русский старик – выкована во владениях самой Хозяйки чудесными башкирскими кузнецами. Таинственный даритель в бешмете и башкирских ичигах на своем соловеньком

коньке, который напоминает мифических крылатых коней башкирского эпоса, скрывается в скале, где, быть может, трудятся такие же, как он, подземные кузнецы из мастеров-башкир.

Писатель более глубоко, нежели принято думать, овладел башкирским эпосом и смело вводил в свои произведения мотивы не только их сказок, но и устных героических сказаний. Герой эпоса «**Заятуляк и Хыухылыу**», меткий стрелок и удачливый охотник, подобно бажовскому Айлыпу, в погоне за лисой преодолевает огромное расстояние, переходит через густые леса и реки Стерля, Сармасан, гору Аркылыбулак, долго блуждает, а потом выбирается к горе Балкан, у подножия которого, на берегу озера Асылыкуль, видит Хыухылыу (Красавицу вод) и влюбляется в нее. После состоявшегося наконец удачного третьего похищения Айлыпом дочери Великого Полоза они скрываются под озером.

Это напоминает основное сюжетное действие одного из вариантов башкирского эпоса «**Кара юрга**» («Черный иноходец»): в нем похитителем красавицы выступает конь, который назло своему баю не дает слезть с себя возлюбленной и, несмотря на мольбы хозяина, уносит ее вдаль, достигнув в один скок знатной на Урале горной цепи Ирэндыка, во второй – острова Ледяного моря, где они остаются жить навсегда. Слова рассказчика о том, что люди видали, как на заре Золотой Волос выходит из-под озера и, сидя на камне, полощет свою сказочно красивую косу, живо перекликаются с распространенным в эпосе мотивом о том, как, например, дочь царя вод озера Шульген в сказании «**Акбузат**» Нэркэс сидит у воды на золотом троне и расчесывает свои чудесные золотые волосы.

Став недостижимыми для всемогущего Полоза, Айлып со своей женой разводят на подводных лугах «табуны конские, овечьи», ведут жизнь земных кочевников, которая возможна только в сказочно-волшебной стране, созданной силой поэтического воображения носителя фольклора. Видно, П. П. Бажов знал сказки или сказания о том, как из глубин вод выходят бесчисленные стада, косяки и табуны, и логикой своего сказа попытался восполнить недостающий в нем, но исключительно яркий и красочно обрисованный во многих памятниках башкирского эпоса мотив происхождения и появления этих животных со дна моря или озера.

Сказы П. П. Бажова, несмотря на разноязычный и разножанровый характер использованных в них материалов, воспринимаются как целостные художественные произведения. Таким образом, есть основания утверждать значительность и разносторонность воздействия традиционного башкирского фольклора на интернациональное в своей основе сказовое творчество П. П. Бажова.

В блоке «чусовских» сказов особняком стоят «**Ермаковы лебеди**» и «**Дорогое имечко**» (они «не горнозаводские»). В сказе «Дорогое имечко» Бажов об исчезнувшем народе говорит: *«Были они не русьски, не татара, а какой веры-обычая и как прозывались, про то никто не знает. По лесам жили. Одним словом, стары люди».*

В «Дорогом имечке» Бажов выстраивает «народную этническую хронологию» региона: «стары люди», потом татары, потом «Ермак», потом «казаки», потом «мы», «наши» (т.е. горнозаводские рабочие). Что же это за «стары люди»? Это вогулы (русское прозвище манси). В I тысячелетии нашей эры Чусовую населяли предки нынешних коми-пермяков. Поэтому на Чусовой огромное количество коми-топонимов (в том числе и название: «Чусва» – «ущелья, теснины – вода»).

Вогулы ушли с Чусовой. В народной метафорике уход с земли – это уход под землю, в гору, в камень. В Азов-гору уходят герои Бажовского сказа «Дорогое имечко». Вогулы указывали русским рудознатцам месторождения, а на месторождениях русские находили «чудские копи».



Самый поэтический образ из сказов Бажова «Серебряное копытце» уходит корнями в мифологию манси. Великий Лось нес на своих рогах солнце финно-угров. Шаманы на камланиях призывали Лося на землю. Коснуться копытами земли Лось не мог – земля была слишком скверна для него. Поэтому на капищах шаманы укладывали на земле священные блюда, на которые и вставал Лось.

Блюда были из драгоценных металлов, чаще всего – из серебра. От этого серебра и стали серебряными копытца оленя дедушки Коковани. А блюда на то и нужны, чтобы в них что-то складывать. Например, при камланиях – подношения Лосю: монеты, драгоценные камни, самоцветы. Поэтому в сказе Бажова драгоценные камни и брызжут во все стороны при ударах серебряного копытца.

«ЭТО ТАК И ОСТАЛОСЬ ТАЙНОЙ»

Эта фраза является ключевой во многих быличках П. П. Бажова. В сказе «Каменный цветок» сохнет, и чахнет, и мечется в тоске по совершенной, нездешней, неземной красоте человек особой, творческой природы – мастер. Только в подземных садах Хозяйки Медной горы ему это удастся.



ДЕРЕВЬЯ СТОЯТ ВЫСОЧЕННЫЕ, ТОЛЬКО НЕ ТАКИЕ, КАК В НАШИХ ЛЕСАХ, А КАМЕННЫЕ. КОТОРЫЕ – МРАМОРНЫЕ, КОТОРЫЕ – ИЗ ЗМЕЕВИКА – КАМНЯ... ВСЯКИЕ. ТОЛЬКО ЖИВЫЕ, С СУЧЬЯМИ, С ЛИСТОЧКАМИ... ПОНИЗУ ТРАВА, ТОЖЕ КАМЕННАЯ. ЛАЗОРЕВАЯ, КРАСНАЯ... РАЗНАЯ... СОЛНЫШКА НЕ ВИДНО, А СВЕЛО КАК ПЕРЕД ЗАКАТОМ. ПРОМЕЖ ДЕРЕВЬЕВ-ТО ЗМЕЙКИ ЗОЛОТЕНЬКИЕ ТРЕПЬХАЮТСЯ, КАК ПЛЯШУТ. САДЫ ЭТИ – КАМЕННЫЕ, НЕТЛЕННЫЕ, НЕЖИВЫЕ...



Хозяйка отпускает Данилу с миром, потому что видит, насколько сильна земная любовь, насколько краше она её Каменного Цветка, как писал Н. Бердяев: «*Настоящая любовь – редкий цветок*». Потому и оставляет Хозяйка в памяти Данилы тайны, что он в её садах увидел. Не сможет подобный мастер злоупотребить гостеприимством.

Перу Бажова также принадлежат записки о поверьях горняков, в которых объясняется происхождение и поведение ряда фольклорных персонажей. Например, подгорных духов, по поверьям, населявших шахты:

«Подгорные духи, родившиеся за пределами мира в незапамятные времена, стерегут во тьме природные богатства. Крайне коварны эти существа – способны менять облик и манипулировать сознанием зазевавшихся. И горе тому, кто придет к ним без должного почтения».

Таинственные образы бажовских сказов произрастают из самых глубин фольклора. Например, среди русских поселенцев Урала сохранилось предание, что горы – это окаменевшие былинные богатыри. Про каменных богатырей рассказывается и в бажовском сказе «Богатырева рукавица». Даже после превращения в камни богатыри продолжали вести активную жизнь:

«Сперва эти места и обживали богатыри. Они, конечно, на людей походили, только сильно большие и каменные. Такому, понятно, легче: зверь его не загрызет, от оводу вовсе спокойно, жаром да стужей не проймешь, и домов не надо.

За старшего у этих каменных богатырей ходил один, по названью Денежкин. У него, видишь, на ответе был стакан с мелкими денежками из всяких здешних камней да руды.

По этим рудяным да каменным денежкам тому богатырю и прозвание было. Стакан, понятно, богатырский – выше человеческого росту, много больше сорокаведерной бочки. Сделан тот стакан из самолучшего золотистого топаза и до того тонко да чисто выточен, что дальше некуда. Рудяные да каменные денежки насквозь видны, а сила у этих денежек такая, что они место показывают.

Возьмет богатырь какую денежку, потрет с одной стороны, – и сразу место, с какого та руда либо камень взяты, на глазах появится. Со всеми пригорочками, ложками, болотцами, – примечай, знай. Оглядит богатырь, все



ли в порядке, потрет другую сторону денежки, – и станет то место просвечивать. До капельки видно, в котором месте руда залегла и много ли ее. А другие руды либо камни сплошняком кажет. Чтоб их разглядеть, надо другие денежки с того же места брать...».

Много таинственного в сказах Бажова, но они объединены одной общей темой – это правда жизни. Бажов так писал об отличии сказки от сказа: *«К тому, что рассказывает сказка, относились заранее как к вещи, которая занимает, развлекает, поучает младших. А к сказу относились по-другому, в сказе есть элемент действительной жизни, истории... В основе лежит истинное происшествие, и эта близость к истине и отличает сказ от того, что в народном понимании является сказом».*

А истина в том, что Бажов «добытчик устного речевого золота и искатель самородных сказаний».

ФЕВРАЛЬ

ДЕД СЛЫШКО



ДЕД СЛЫШКО – РАССКАЗЧИК, У КОТОРОГО БЫЛ ВПОЛНЕ РЕАЛЬНЫЙ ПРОТОТИП – СТОРОЖ ЗАВОДСКОГО СКЛАДА ВАСИЛИЙ ХМЕЛИНИН. ТЕМ НЕ МЕНЕЕ, ОБРАЗ ДЕДА МОЖНО СООТНЕСТИ СО СКАЗИТЕЛЕМ БАЯНОМ. ОН ЕДИНСТВЕННЫЙ, КТО ЗНАЕТ ВЕСЬ ОПИСЫВАЕМЫЙ ИМ МИР, ОН ЖЕ ВЫСТУПАЕТ СВЯЗУЮЩИМ ЗВЕНОМ МЕЖДУ ПРОШЛЫМ, НАСТОЯЩИМ И БУДУЩИМ.

«Звали его Хмелинин Василий Алексеевич, – отмечает П. П. Бажов в сказе «У старого рудника», – но это так только – по заводским и волостным спискам. Ребята обычно звали его дедушка Слышко. У взрослых было еще два прозвища, на которые старик откликался: Стаканчик и Протча...».

Дед этот лес караулил от пожаров сидя на Думной горе и рассказывал сказки ребятишкам. Точнее, на Урале это не сказки, а сказы да побывальщины. Среди той ребятни был и сын заводского рабочего Павел Бажов. Став взрослым, он из разрозненных рассказов создаст цельную картину уральского мифа.



«Среди взрослых он слыл бывальцем, знатоком всех наших песков, ловким балагуром и подковырой. А ребятам он был известен как самый занятный сказочник. Только свои рассказы он называл не сказками, а сказами да побывальщиной».

Свое имя дед Слышко получил за любовь к словечку «слышь», «слышь-ко». Всезнайство Слышко не выходит за пределы сысертских заводов. Чтобы понять, что происходило вне обозримого для него пространства, он нуждается в помощи. Как и многие фольклорные персонажи, Слышко обладает целым рядом посредников, среди которых и живые герои, и неодушевленные магические предметы.

Дед Слышко важен не только как рассказчик, передатчик известных ему сказов, но и как личность. Он, старый мастер, многое повидавший и, главное, испытавший на своем веку, является выразителем мнения и отношения народа к окружающему, к народным героям, к народным угнетателям. Первыми он восхищается, вторыми возмущается, язвит и смеется над их глупостью и ничтожеством, клеймит коварство и злобу. Особенно достается от

него барам и приказчикам, а одобрение, восхищение рассказчика относится к героям активным, способным постоять за себя и других. Свои истории разным людям Слышко рассказывал по-разному: развлекая заводских хозяев, он делал Хозяйку Медной горы не слишком симпатичной фигурой. И наоборот: мальчишки, узнав о Хозяйке от Василия Алексеевича, мечтали когда-нибудь ее повстречать. Истории были яркими – Павел Петрович Бажов запомнил их на всю жизнь.

Несмотря на заявленное авторство «Сказов», Слышко выступает в качестве alter ego самого Бажова, заменяя его в сознании читателей. В газете «Березовский рабочий» за 12.12.1978 года был опубликован рассказ пенсионерки А. Носыревой о памятной встрече с Павлом Петровичем Бажовым в 1942 году учащихся и учителей школы № 1, в которой в годы войны располагался госпиталь. *«П. П. Бажов, – вспоминает А. Носырева, – приехал к точно назначенному сроку. Вошел, улыбнулся красивый, статный пожилой человек с большими добрыми и мудрыми глазами»*. Бажов был настолько интересным «сказителем», что его слушали ребята, как говорится, раскрыв рты. Он поведал о том, как создавались его чудесные произведения, где он собирал материал. Многие сказы он читал на память и перед учащимися, как живые вставляли образы героев его произведений – Хозяйка Медной горы, Данила-мастер, Великий Полоз...

С помощью образа Слышко у Бажова и создавалась неповторимая художественная привлекательность сказов. Умный, проницательный, достаточно лукавый, добродушный и ласковый к хорошим людям и по-настоящему колючий к людям с гнильцой, бездельникам и тунеядцам – таков он во всех сказках, связанных с его именем. И совсем не случайно П. П. Бажов в начале 40-х годов приходит к мысли старательно собрать и самым внимательным образом обработать рассказы стариков около таких старых месторождений, как Меднорудянский, Быньговский и особенно Березовский и Мурзинский.

В 1942 году, делясь творческими замыслами, Павел Петрович признался, что его давно тянет на Березовский рудник, где, по его мнению, у стариков накопилось столько «сырья», что любой сказ можно сделать. И в конце 1942 года он побывал в Березовском заводе, где у него были интересные встречи, но не сказового порядка. От поездки осталась «заноза», оказалось, что на старейшем уральском золотом руднике кладоискательские фантастические рассказы не собраны. Бажов сокрушался: *«Надо бы тут посидеть, пожить, поговорить с дедушкой Слышко в штанах или юбке все равно. Договориться до настоящего материала»*.

Как отмечала Л. И. Скорино (книга Людмилы Ивановны «Павел Петрович Бажов» – первая монография о жизни и творчестве писателя. В своей книге исследователь снимает вопрос о Бажове как «обработчике» фольклора), именно заводские старики выполняют важную социокультурную функцию: они являются хранителями мировоззренческого и социального опыта. По словам исследовательницы, *«приисковские старые рабочие служат великому делу – связи времен»*.

МАРТ

ХОЗЯЙКА МЕДНОЙ ГОРЫ



ДУХ ГОР, ХРАНИТЕЛЬНИЦА ЦЕННЫХ МИНЕРАЛОВ, МАЛАХИТНИЦА ПРИНИМАЕТ РАЗЛИЧНЫЕ ОБРАЗЫ. КОМУ-ТО ПРЕДСТАЕТ КАК КРАСИВАЯ НЕВЫСОКАЯ ДЕВИЦА С ЗЕЛЕНЫМИ ГЛАЗАМИ И ЧЕРНОЙ КОСОЙ, ПЕРЕВИТОЙ МЕДНЫМИ ЛЕНТАМИ, КОТОРЫЕ ТОНКО ПОЗВАНИВАЮТ В КАМЕННОМ МАЛАХИТОВОМ ПЛАТЬЕ, КОТОРОЕ СО СТОРОНЫ ВЫГЛЯДИТ КАК ШЕЛК, ОТЛИВАЕТ АЛМАЗАМИ И МЕДЬЮ.

В мировом фольклоре хранители недр выступают в облике или Хозяина, старика, горного духа, или Хозяйки, пещерных великанов, гномов и т.д. Действия их могут быть как враждебны, так и доброжелательны по отношению к людям. Такие фантастические предания были широко распространены и среди уральских рабочих, многие поколения которых

трудились в тяжелейших условиях на «подземной каторге», в рудниках и шахтах. Мечты «первых добытчиков» облекались в кладоискательские сказы, в которых говорилось о несметных сокровищах уральской земли, не только уже открытых, но и главным образом о тех, какие еще не найдены и хранятся в недрах гор, охраняемые «тайной силой»: девкой Азовкой, Малахитницей.

В преданиях уральского края не раз упоминается покровительница земных недр. Она красива собой и живет в горе. Образ этот был связан с горными сокровищами. К людям хозяйка горных недр относилась либо благосклонно, указывая путь к богатому месту, либо враждебно. У Бажова Хозяйка Медной горы не только хранительница сокровищ, но покровительница смелых и мужественных, творчески одаренных людей. Писатель наделяет ее необыкновенной внешностью. Детали красочного портрета намекают на связь героини с миром природы.

«Девка небольшого росту, из себя ладная, и уж такое крутое колесо – на месте не посидит... Коса ссиза-черная и не как у наших девок болтается, а ровно прилипла к спине. На конце – ленты не то красные, не то зеленые. Сквозь светеют и тонко этак позванивают, будто листовая медь».



Многое роднит эту героиню и со сказочной царевной. Не только необыкновенная красота, но и чудесные помощники, выполняющие все ее распоряжения, – разноцветные ящерки. Живет она в прекрасном подземном дворце, куда можно попасть, только преодолев многие испытания, похожие на те, которые проходит и герой волшебной сказки. Отношения Медной горы Хозяйки с людьми определяются особыми условиями, так называемыми запретами. Одним из них был запрет женщине спускаться в шахту, во владения Хозяйки. Другой – не жениться молодцу, который хочет обрести ее покровительство. В

цикл о Хозяйке входят девять сказов: «Медной горы Хозяйка», «Малахитовая шкатулка», «Каменный цветок», «Горный мастер» «Хрупкая веточка», «Две ящерки», «Приказчиковы подошвы», «Сочневы камешки», «Таяткино зеркальце», «Травяная западенка»; сюда же примыкают два незавершенных сказа «Теплая грань» и «Хозяйкино зарукавье».

Хозяйка Медной горы – осевой центр цикла. Он трактуется прямолинейно-однозначно даже у самого авторитетного исследователя бажовских сказов М. А. Батина, который видит в Малахитнице *«воплощение мечты рабочих о свободных, а потому могущественных, гармонически развитых, всесторонне совершенных людях, физически здоровых и – главное – духовно прекрасных»*; он пишет также о «нравственной красоте» Малахитницы,

считает, что ей свойственны «все лучшие человеческие чувства», что ее образ «глубоко человечен и бесконечно обаятелен».



Сама Хозяйка называет себя «каменной девкой». Она как бы вылита из пластичного камня, платье сделано из шелкового малахита: «Камень, а на глазах как шелк, хоть рукой погладь». Она величественна и горда, имеет подчас суровый нрав и холодное спокойствие.

Именно по основным приметам Данило-мастер сразу узнает Хозяйку: «По красоте-то да по платью малахитову Данилушко сразу ее признал».

Не раз Хозяйка сама говорит о холодности и безжизненности своей природы. Так, в сказе «Горный мастер» Катя просит у Хозяйки прощения за свои грубые слова в ее адрес, на что получает ответ: «Ладно, что каменной сделается!». В сказе «Медной горы Хозяйка» Степан выбирает Настю, а не Малахитницу со всеми ее богатствами. Хваля Степана, она сама ставит живое человеческое выше холодного каменного: «Не обзарился ты на мои богатства, не променял свою Настеньку на каменную девку».

В образе Малахитницы иногда сочетается холодное каменное и теплое человеческое. В сцене прощания со Степаном показаны холодные каменные слезы Хозяйки, но рука, дающая эти слезы не холодна: «Камешки холодные, а рука, слышь-ко, горячая, как есть живая и трясется маленько».

Встреча с Хозяйкой Медной горы никого счастливым не делает. Не случайно рабочие побаивались Хозяйку, избегали встреч с нею. От стариков слышали, что Хозяйка эта – малахитница-то – «любит над человеком мудровать». Ее «мудрование» в том, что она сбивает человека с проторенного человеческого разумом пути, лишает его покоя. Она привлекает человека своим знанием красоты и умением ее создавать. Подземные чертоги Хозяйки сказочно великолепны, но в них нет ничего живого, все статично, как бы омертвело. Люди в ее царстве есть, но никто их не видел, они бездействуют.



В ПОКОЯХ МАЛАХИТНИЦЫ СТЕНЫ «ЖЕЛТЫЕ С ЗОЛОТЫМИ КРАПИНКАМИ», «ЦВЕТЫ МЕДНЫЕ», НА ЕЕ ПЛАТЬЕ МОГУТ ОБОЗНАЧАТЬСЯ ЗОЛОТИСТЫЕ УЗОРЫ; ОНА ДАРИТ ТОЙ ЖЕ НАСТАСЬЕ УКРАШЕНИЯ, СРЕДИ КОТОРЫХ ЕСТЬ ЗОЛОТЫЕ; СВЕТ В ЛЕСУ ХОЗЯЙКИ ИДЕТ ОТ ЗОЛОТЫХ ЗМЕЕК: «СОЛНЫШКА НЕ ВИДНО, А СВЕТЛО КАК ПЕРЕД ЗАКАТОМ. ПРОМЕЖ ДЕРЕВЬЕВ-ТО ЗМЕЙКИ ЗОЛОНЬКИЕ ТРЕПЫХАЮТСЯ, КАК ПЛЯШУТ. ОТ НИХ И СВЕТ ИДЕТ».



Хозяйка водит парня по своим чудесным палатам, но он ничем не соблазняется, помня о слове, данном Настасье. Третье испытание – забыть красоту Малахитницы – Степан не выдерживает. Хозяйка, как сказочная царевна, ищет женихов, ставит им трудные задачи, «женихи» же не могут их выполнить. Парни, приглянувшиеся ей, оказываются связанными обещанием жениться на другой девушке.

Хозяйка владеет секретами высокого мастерства, но она готова раскрыть секрет или оказать помощь только холостому парню. С жена-

тыми она не контактирует, они вне ее интересов. Для нее главное – найти холостого парня, и в его поисках она использует все, даже жажду познания человеком тайны прекрасного. Хозяйка хранит тайну красоты, воплощенную в каменном цветке.

Упоминание о каменном цветке вложено в уста самой Хозяйки. Она откровенно предостерегает Данилу: человек, увидевший цветок, потом об этом жалеет и может вернуться к людям лишь на время. Он становится, по сути дела, должником Малахитницы: «Не отпустишь из горы?» – спрашивает Данила. – «Зачем не отпущу!» – отвечает Хозяйка. – Дорога открыта, да только ко мне же ворочаются». Данила стремится, чтобы, глядя на его чашу, люди забывали об искусстве мастера и видели живой цветок. В этом для молодого камнереза и заключается истинная сила мастерства. Данила хочет понять свой материал, «полную силу камня самому поглядеть и людям показать».

Сказочный образ «каменного цветка» символизирует красоту самого материала, ту красоту, что заложена природой и в обломке камня и в куске дерева – словом, в любом материале, какой требует усилий мастера, чтобы стать произведением искусства. Кто увидел «каменный цветок», тот «красоту понял» и в силу этого становится «горным мастером».



АПРЕЛЬ

ГОРНЫЕ МАСТЕРА



Если для центральной России главные герои сказок – богатыри, то на Урале, несомненно, мастеровые и горные мастера. «Горные мастера» – выученики Малахитницы. Они живут и трудятся в подземных владениях Хозяйки Медной горы. Их труд чудесен, они обладают умением придавать жизненность, казалось бы, мертвому камню. Мастер и мастерство – главные герои бажовских сказов. А Мудрость, Талант, Трудолюбие, доброта – главные их свойства.

Цикл из трех сказов о жизни Данилы Мастера («Каменный цветок», «Горный мастер» и «Хрустальная веточка») впервые вышел в 1939 году в сборнике «Малахитовая шкатулка». Сегодня для большинства эти сказы о становлении Мастера с большой буквы.

Работа их от «здешних... наотличку... У наших змейка, сколь чисто ни выточат, каменная, а тут как есть живая. Хребтик черненький, глазки... Того и гляди – клюнет».



МАСТЕР НА УРАЛЕ – КУЛЬТУРНЫЙ ГЕРОЙ. ОН УКРАШАЕТ МИР. СО ВРЕМЁН ДРЕВНИХ ДОБЫТЧИКОВ КАМНЯ И ПЕРВЫХ МЕТАЛЛУРГОВ МАСТЕР БЫЛ ГЛАВНОЙ ФИГУРОЙ В ОБЩЕСТВЕ, А МАСТЕРСТВО – ГЛАВНЫМ КРИТЕРИЕМ ОЦЕНКИ ЧЕЛОВЕКА.

Мастерство – главное мерило человека. Человека сравнивают с камнем. Если это стоящий мастер, он как отборный малахит, если это ничтожный, пустой человек, непригодный ни к какому делу – он как пустая порода, такому остается только выслуживаться да «барские блюда лизать».

Уральский Мастера – это не только высочайшее мастерство, но и человеческое достоинство, патриотизм и национальная гордость. *«Такую красоту сделаем, что со всего света съезжаться будут, чтобы хоть глазком поглядеть... Рабочие руки все могут».*

Уральский Мастер в сказах Бажова – человек штучный, гордый, уверенный, делатель и строитель, его нельзя совратить или купить. Он цену себе знает и надеется только на свои силы.



«Кого мне бояться, если я в горе роблю?».

Роясь в уральских архивах, знакомясь с учёными трудами, изучая жизнь мастеровых людей, П. П. Бажов находил многочисленные свидетельства творческой силы русского народа, его талантливости, умения прокладывать новые пути в труде. *«Возьмите хотя бы горщиков, – говорил не раз писатель. – Коренная уральская профессия, и сколько в ней поэзии... У нас ведь и мастерство здесь коренное, старинное. Ещё в давно прошедшие времена столько было самородков, крупных талантов, новаторов».*

Обращение Бажова к уральскому горнозаводскому краю было обусловлено огромной любовью писателя к Человеку труда, к своей родной земле. Алексей Сурков писал: «В волшебный мир старых уральских сказок Бажов погружал живых русских людей, и они своей реальной, земной силой побеждали условность сказки, как земная любовь простой русской девушки победила волшебную силу Хозяйки Медной горы».

В сказах Бажова прослеживается весь путь становления Мастера. Сначала паренек попадает в ученики, он должен слушать внимательно наставления мастера, проявить терпение, научиться различать детали, понимать душу камня. Когда ученик сравнялся с мастером (что бывает далеко не всегда), начинается их сотрудничество, работа на равных. Учитель уже считается с мнением ученика, уважает в нем мастера. И наконец, самостоятельная работа.

Мастера работают в меру сил и способностей, руководствуясь правилами, освященными традициями ремесла, или, как сказано в «Хрупкой веточке», на все «установ имелся». Были общепринятые правила, например, все гранильщики черную смородину делали из агата, белую – из дурмашков, клубнику – из сургучной яшмы, княженику – из мелких шерловых шариков, а листья и корешки – из офата, малахита, орлеца...

Но у каждого мастера нарабатывался личный опыт, который он хранил в тайне и передавал только сыновьям, племянникам, вообще родственникам: как околтать камень, как его распилить, как присадочный вар готовить, а олово крепкой водкой на полер разводить и как его нанести, чем и когда склеить камень, как на медь присадить, как на дерево и многое-многое другое.

На Урале не принято было бросаться от одного дела к другому. «Лучше одно знать до тонкости. Да и житья не хватит, чтоб всякое мастерство своей рукой изведать». Ценилась отрешенность от суеты, максимальное духовное напряжение способность видеть дело в развитии.

«Живинка во всяком деле есть, впереди мастерства бежит и человека за собой тянет».

Особое значение П. П. Бажова отводит учителю, передающему секрету мастерства. Учитель, в понимании писателя, это не только тот, кто может ему подражать, «но и творчески продолжать дело». Таким учителем предстает дед Нефёда из сказа «Живинка в деле». Герой сказа захотел все ремёсла «своей рукой перепробовать». Посмеивались над ним сначала все, а Тимоха всё же на своём поставил: ремёслам обучился и в каждом деле «до точки дошёл». Только было это ремесленное знание правил, а не мастерство. И понял это герой, когда попал в выучку к углежогу деду Нефёду. Принял тот его с лукавым уговором: «От меня тогда уйдёшь, когда лучше моего уголь доводить навывкнешь».

Простое дело у Нефёда – уголь жечь, да победить старого мастера Тимоха не смог. А секрет был в том, что дело у Нефёда на месте не стояло, всё вперёд двигалось: совершенствовал свою работу Нефед. И учил он Тимоху «не книзу глядеть – на то, что сделано», а «кверху – как лучше делать надо».

Учил искать «живинку» в каждом деле. Она ведь «впереди мастерства бежит и человека за собой тянет. Так-то, друг!».



Человек обязан сам определить свою судьбу, каким путем идти в жизни, – вот чему учат бажовские сказы-притчи. По гребню горы проходила как-то граница заводской территории. И превращается эта «**Васина гора**» в одноименном сказе в обобщенный образ жизненных испытаний, трудностей, неизбежных препятствий, которые человек должен уметь одолевать. А в проверке внутренней стойкости, упорства, сознательного стремления по-своему проложить путь в жизни и проявляется для П. П. Бажова истинный характер человека. «*Вот видишь, – говорит сторож дедко Василий юному подручному, – гора-то на дороге силу людскую показывает. Иной по ровному месту, может, весь свой век пройдет, а так своей силы и не узнает. А как случится ему на гору подняться вроде нашей, с гребешком, да поглядит он назад, тогда и поймет, что он сделать может*». И с доброй лукавинкой добавляет старый горщик мальчонке в поучение: «*Только то помни, что не всякая гора наружу выходит. Главная гора – работа. Коли ее пугаться не станешь, то вовсе ладно будет*».

Живая душа любого дела, его «живинка» – это не что иное, как творческая мысль, выдумка мастера. Об этом говорится и в сказе «Иванко-Крылатко», рисуя единоробство двух мастеров: немца Фуйко Штофа и русского паренька Иванки из семьи старых Златоустовских умельцев. Состязание на лучшую чеканку сабель идёт между умелыми мастерами. Немец Фуйко знал своё дело. Он «руке с инструментом полный хозяин и на работу не ленив». Чистая, чёткая у него чеканка, и «позолота без пятен», и рисунок по правилам, а вот «живым не пахнет». Мастерство его мертво, т.к. оно не что иное, как ремесленничество, не одухотворённое человеческой фантазией.

А Иванко – это «мастер с полётом». Он не боится отступить от правил, не боится прибегнуть к смелой творческой выдумке. Иванко учится у самой природы и вносит в своё искусство её неиссякающую и вечно обновляющуюся поэзию. Нарисовал Иванко на боевой сабле не пустое украшение, условных коньков, а таких коней, какими он знал их в жизни, – стремительных, на полном бегу, крылатых!

Образ, созданный Иванкой, – крылатые кони, – возмутил заводчиков, прогнали они его с завода. Но именно этот рисунок и показал подлинного мастера. Иванко – мастер-поэт, т.к. он поднимается до образных обобщений.

Эта мысль положена в основу второго мотива о мастерах – мотива неустанных исканий художника. Творчество мастера-поэта предстаёт в сказах Бажова не только как вдохновенное озарение, а прежде всего как познание и труд.

Старого камнереза из сказа «Железковы покрышки» спросили, как это так получается, что малахитовые изделия, выходящие из его рук, всегда «цветом разнятся и узором не сходятся». Мастер ответил: «Я из окошечка на ту вон полянку гляжу. Она мне цвет и узор кажет. Под солнышком одно видишь, под дождиком другое. Весной так, летом иначе, осенью по-своему, а всё красота. И конца краю той красоте не видится».

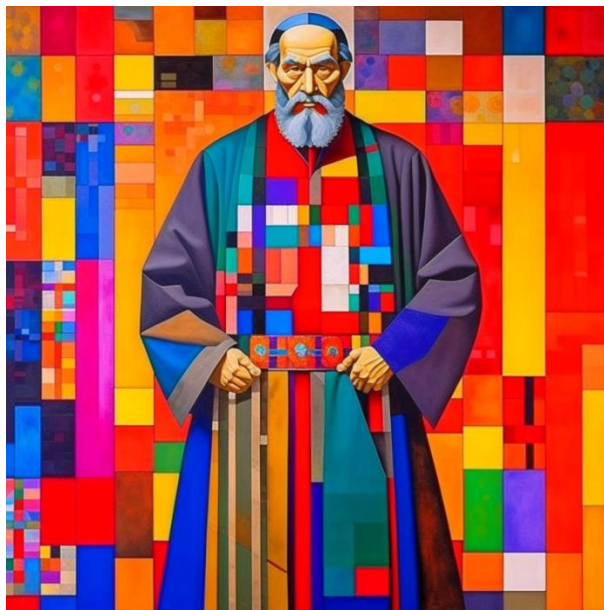


Среди наследников производственных секретов было немало талантливых фанатично преданных своей профессии людей, таких, например, как герои сказов «Аметистовое дело», «Шелковая горка», «Ионычева тропа», «Живой огонек». В сказах автор осмысливает понятие мастерства: творческая смекалка, ценность рабочей выдумки, приобретенный опыт, ответственное отношение к работе, «живой огонек» и «особина» в каждой работе. Это те знаменитые труженики, отмеченные печатью знаменитого русского таланта, который творит не ради почестей, денег и славы, а потому, что

не может ни минуты прожить без труда, ибо труд есть наивысший нравственный закон его жизни на земле. Писатель любил повторять: *«Чем велик и прекрасен человек? Одухотворённым трудом... Вне труда нет и человека».*

Исследователь творчества П. П. Бажова А. Л. Налепин писал: *«Судьба рабочего человека, ступившего на дорогу творчества, прекрасна и трагична одновременно. До конца своих дней не будет ведать он житейского покоя, стремясь к недостижимому идеалу. ...Если ты мастер, то обречен на вечный поиск, и в этом истинное счастье настоящего художника».*

Практически все образы бажовских мастеров-творцов имеют реальные прототипы (так, прототипом Данилы-мастера, создателя Каменного цветка, является знаменитый уральский горщик Данила Зверев). Бажов также не случайно все-



гда указывает точное местожительство своего героя. Например, Иван Бушуев живет в Златоустовском заводе, улица Большая Немецкая, между горами Бутыловкой и Богдановкой. Евлампий Петрович Медведев, прозванный Железко проживает в Пеньковке. Всегда важно МЕСТО, так как и сила и талант от него.

Отец, и дед, и прадед будущего писателя всю жизнь провели на медеплавильных заводах старого Сысертского горного округа. Рос, духовно формировался Бажов в рабочей среде; видел и познавал нравы, обычаи уральских горнорабочих, людей суровых и упорных в труде, смелых на выдумку, людей «с полётом». Слушал он рассказы заводских стариков о даровитых мастерах, о тяжком труде в старинных рудниках, о «вольных людях», о бунтах против жестоких заводчиков.

Отец его был рабочим, за свой острый язык он получил прозвище Сверло. Часто он был причиной недовольства со стороны заводского начальства. За обличение несправедливых порядков его не раз переводили с одного завода на другой, а иногда и увольняли с работы. Однако заводчики не могли обойтись без опытного мастера и снова принимали его в цех. В сказах Бажова постоянно присутствуют собирательные названия действующих лиц – «заводские», «рудничные», «углежоги», «старатели», «модельщики», «плотники», «пастухи» – нет конца перечню рабочих и крестьянских профессий, представленных Бажовым.

Бажов сам был олицетворением образа Мастера: старик, с высоким и почти неморщинистым лбом мудреца, с такими глубокими и проникновенными глазами, которые, казалось, видели все на свете и все понимали. *«Творческий труд, – говорил писатель, – создаёт не только материальные, но и духовные ценности, он формирует и закаляет человеческие характеры».*

МАЙ

ДАНИЛА-МАСТЕР



” ДАНИЛА-МАСТЕР, ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАМНЕРЕЗ ИЗ СКАЗОВ ПАВЛА БАЖОВА, ВЫЗЫВАЕТ ВОСХИЩЕНИЕ ИМЕННО ЭТИМИ КАЧЕСТВАМИ: ЦЕЛЕУСТРЕМЛЁННОСТЬЮ, ТРУДОЛЮБИЕМ И ДОБРодУШНОЙ ПРОСТОТОЙ.

В сказах Павла Бажова Данила-мастер – один из самых важных образов. Это он по-встречался с Хозяйкой Медной горы, и он создавал Каменный цветок.

У Данилы-мастера из сказа «Каменный цветок» был реальный прототип – камнерез Данила Зверев. В его честь названа улица в Екатеринбурге. Хотя реальный Данила Зверев не

ходил в Медную гору к Хозяйке и не работал с малахитом, но он открыл Павлу Бажову фантастический мир камней-самоцветов. Поэтому герой сказа Бажова получил имя Данила.

Его ласково называют Данилко, Данилушко. Он представитель тех уральских «работных людей», которые умеют работать, относятся к своему труду творчески и радостно. Сама «тайная сила» их уважает, а при случае и «подмогнет».

Дар художника, мастера Данила получает с детства. Ведь с самого начала он отличается от других ребят. В барском доме мальчик любит на картины. А когда его ставят пастушкой – постоянно заглядывается на обычные, казалось бы, вещи. И открывает в них что-то необычное. Вот разговор Данилы и старого пастуха:

« – О чём хоть думка-то у тебя?

– Я и сам, дедко, не знаю... Так... ни о чём... Засмотрелся маленько. Букашка по листочку ползла. Сама сизенька, а из-под крылышек у ней жёлтенько выглядывает, а листок широкий... По краям зубчики, вроде оборочки выгнуты. Тут потемнее показывает, а середка зелёная-презелёная, ровно её сейчас выкрасили... А букашка-то и ползёт».

Данила любит краски и формы. Это глаз художника. Впервые по-настоящему «глазок» мальчика проявляется у мастера Прокопьяча, когда Данилушко видит узор лучше самого мастера. И вот здесь Прокопьяч сразу понимает, что у мальчика талант – мастер даже восклицает: «Ну и глазок!».

А как быстро Данила перенимает мастерство! Приказчик доволен, а вот Прокопьяч поражён: он ведь и не начинал учить всерьёз:

« – Когда хоть ты, Данилушко, все это понял? Ровно я тебя ещё и вовсе не учил.

– Сам же, – говорит Данилушко, – показывал да рассказывал, а я примечал.

У Прокопьяча даже слезы закапали, – до того ему это по сердцу пришлось.

– Сыночек, – говорит, – милый, Данилушко... Что ещё знаю, всё тебе открою... Не по-таю...».

Так он «вырос за работой» и стал лучшим мастером в своем деле. Данила превратился в настоящего красавца – здорового, румяного, высокого и кудрявого, «одним словом, сухота девичья». Кроме того, парень и грамоте был обучен, умел он и читать и писать.



Но не увлекала его работа: «Трудности много, а красоты ровно и вовсе нет». Надумал Данила «полную силу камня самому поглядеть и людям показать».

У Данилы есть своя страсть: он хочет раскрыть перед людьми истинную красоту камня, с которым работает. И эти строки замечательно описывают творческие муки художника.

Почему же Данила ходит по лесам и полям? А потому что истинную красоту он видит именно в природе. И считает, что только образ природы поможет раскрыть силу камня. Поэтому он выбирает образцом для своей чаши дурман-цветок. Но не дается ему малахитовая чаша, над отделкой которой он бьется, не радует его внешняя отделанность. Не чувствуется в ней жизни, а следовательно, красоты. «То и горе, – жалуется Данила, – что похаять нечем. Гладко да ровно, узор чистый, а красота где? Вон цветок... самый что ни есть плохенький, а глядишь на него – сердце радуется. Ну, а эта чаша кого обрадует?» Данила-мастер хотел, чтобы люди, глядя на его чаше, забывали о том, что ее создал мастер, а только бы любовались его произведением.

«С той поры и стал чуть не каждый день в лес бегать. Время как раз покосное, ягодное. Травы все в цвету. Данилушко остановится где на покосе либо на полянке в лесу и стоит, смотрит. А то опять ходит по покосам да разглядывает траву-то, как ищет что. ... Спрашивают Данилушку – не потерял ли чего? Он улыбнётся этак невесело, да и скажет:

– Потерять не потерял, а найти не могу».

Вспомнил он рассказ старой ведуньи Вихорихи о колдовском каменном цветке, приносящем несчастье человеку, увидевшему его, но и дарующем познание главной сути прекрасного. Стремление к

созданию идеала заставило Данилу позабыть обо всем и двинуться на поиски чуда чудного. Познакомившись с Хозяйкой горы, он соглашается стать ее работником, чтобы увидеть чудесный цветок.

П. П. Бажов показывает сложнейший путь Данилы к мастерству. Вся философия постижения этого мастерства отчетливо просматривается в диалоге Данилы-мастера с Хозяйкой Медной горы:

Ну, Данило-мастер, поглядел? – спрашивает Хозяйка.

Не найдешь, – отвечает Данилушко, – камня, чтобы что-то сделать.

Кабы ты сам придумал, дала бы тебе такой камень, а теперь не могу. – Сказала и рукой махнула...

Хозяйка – хранительница секретов высокого мастерства, отказывает в помощи Даниле не случайно. Он молод и, как всякий, который хочет стать мастером-поэтом, должен проделать нелегкий путь творческого восхождения. Стал просить ее парень показать каменный цветок чудесный. Не хотела она, да сдалась. В «Каменном цветке» Хозяйка говорит Даниле: «Камень будет тебе по мыслям твоим».

Данило-мастер так и не видит Каменный цветок. Хозяйка показывает ему свой сад, в котором и «змейки трепыхаются», и «зелёные колокольцы малахитовые», и деревья из змеевика-камня, и многие другие чудеса, а Каменного цветка нет. Каменный цветок так и остаётся недостижимым, невидимым идеалом, который

служит источником и ресурсом творчества, движения вперед. После возвращения в мир людей Данила-мастер становится авторитетным камнерезом в кругу своих товарищей, поскольку память о времени «в горе» даёт ему ресурс и творческую энергию для работы. Однако она же становится источником его грусти после того, когда увидел Данила



прекрасные каменные деревья в волшебном саду, понял он, что не в силах создать ничего подобного. Загрустил мастер. А после и совсем ушел из дома накануне свадьбы. Найти его не смогли. Ходили слухи о том, что Данила остался в услужении Хозяйки Медной горы, чтобы быть настоящим мастером в ремесле по изготовлению камней.



Сказ Бажова «Каменный цветок» заканчивается открытым финалом. Никто не знал, что случилось с парнем. Продолжение истории находим в сказках «Горный мастер» и «Хрупкая веточка». Данилова невеста Катя замуж так и не вышла. Перебралась она в избу к Прокопичу, стала смотреть за стариком. Решила Катя учиться ремеслу, чтобы заработок был. Когда умер старый мастер, стала девушка жить одна в его доме и поделки из малахита продавать. Камень чудесный находила она на Змеином руднике. А там вход в Медную гору был.

И однажды увидела она Малахитницу. Чувала Катя, что жив Данила. И потребовала она вернуть жениха. Оказалось, что Данила тогда к волшебнице прибежал. Не мог он жить без красоты чудесной.

Сказ про «Хрупкую веточку» продолжает цикл рассказов о Даниле и Хозяйке Медной горы. Только в этой истории уже рассказано об одном из его сыновей – Мите. Всем детям

пришлось работать, а Митюньку определили к гранильщику учиться. Вскоре он стал хорошим мастером и вернулся в родной дом. Решил Митюха семье помогать, и стал мастерить вещицы разные, да вот камня подходящего не было, а затем сама Хозяйка Медной горы стала ему помогать. Начал Митюха точить красивые вещицы из обычного камня. Он делает чудесные вещи из камня. Однажды делает удивительную веточку, подобной которой было не сыскать. Подарить ее он хотел девушке, которая приглянулась ему. Но барин пожелал заполучить ее. А когда узнал, что она сделана из простого материала, уничтожил ее. В ответ Митя ударил барина. Митя исчез, больше его никто не видел. Никто не видел и девушку. Мастерство и трудолюбие человека способны творить чудеса. Нет ничего ценнее возможности заниматься любимым делом и достигать в нем мастерства.

Бажов описывает жизнь семьи Данилы в пяти сказах, если считать два незаконченных – «Теплая грань» и «Хозяйкино зарукавье».



Творческий труд славных уральских умельцев – основная тема творчества Бажова. Увидеть в камне душу и показать её может только настоящий мастер. Ярким примером тому служат герой бажовского сказа Данила мастер. Именно каменный цветок Хозяйки Медной горы помог ему понять, в чём заключается истинная сила мастерства. Он мастер с фантазией, с творческим умением, ему удастся достичь гармонии между замыслом и его воплощением в камне.

Коль тебе уж выпал этот случай,

Постигай законы красоты

И ещё чудеснее и лучше

Сотвори цветок своей мечты!

ИЮНЬ

ГОЛУБАЯ ЗМЕЙКА



Сказ «Голубая змейка». В его центре находится фантастический персонаж, способный как одарить хорошего человека, так и покарать злодея. С одной стороны у Голубой змейки – золотая пыль, а с другой – черная. Где человек окажется, так и жизнь его пойдет. Голубая змейка золотой пылью отмечает месторождение драгоценного металла, которое находится близко к поверхности. Волшебная маленькая змейка, указывающая на самородное золото.

”

«Есть в наших краях маленькая, голубенькая змейка. Ростом не больше четверти и до того легонькая, будто в ней вовсе никакого весу нет. По траве идет, так ни одна былинка не погнется. Змейка эта не ползает, как другие, а свернется колечком, головенку выставит, а хвостиком упирается и подскакивает, да так бойко, что не догонишь ее...»

В горняцкой среде существует негласный запрет на упоминание имени голубой змейки всуе, чтобы не накликасть беду. Увидеть ее в одиночку – к нахождению золотой жилы: наверняка верховое золото окажется... «Только оно тоже с подводом. Если лишкухватишь, да хоть капельку сбросишь, все в простой камень повернется», с товарищами – к ссоре, вражде.

Голубая змейка может принимать принимает облик женщины. «Сказывают, будто голубая змейка иной раз человеком прикидывается, только узнать ее все-таки можно. Как идет, так даже на самом мелком песке следов не оставляет. Травы и та под ней не гнется. Это первая примета, а вторая такая: из правого рукава золотая струя бежит, из левого – черная пыль сыплется».



Отчасти голубая змейка напоминает веретеницу – особый вид гадюки или безногой ящерицы, которая не ползает, а катится на брюхе. Нередко веретеница смешивается с медянкой, в сознании крестьян – кладохранилищем. Змея-медянка отликает зеленью меди. На Среднем Урале змейки-медяницы являются слугами (в трактовке самого Бажова – дочерьми) Полоза, которые помогают ему проводить золото через камень и спускать его по рекам. «В камне оказалось золото – Змеевка прошла, след оставила».

Клубок медянок считается знаком близости пласта, но эти змеи достаточно опасны для человека. М. Д. Чулков так характеризует их: «Сей род гадов почитают весьма вредным... Они получают зрение один раз в году, в Ивановскую ночь. Тогда они, увидев человека или другое животное, бросаются стрелком и пробивают насквозь наподобие стрелы».

В немецком предании аналогично поступает король змей: он пронзает того, кто его разгневал.

Сказ «Голубая змейка», небольшой по своему объему, появился в печати в 1945 году. Сюжет сказа прост: двум парнишкам явилась легендарная голубая змейка, чье присутствие указывало на место верхового золота. Взрослые предупреждали, что встреча с ней

может обернуться при неправильном поведении бедой или смертью. Голубая змейка дважды прокатилась на глазах у парнишек колечком-колеском.



В третий раз она явилась парнишкам в виде женщины, от которой на песке не оставалось следов, из правого рукава у неё сыпалась золотая струя искрами, а из левого чёрная струя, потом струи превратились в два обруча – один золотой, другой чернокаменный.

Далее женщина досыпала золотой и чёрной пыли из рукавов, смешала и сделала две плитки для парней, желая испытать их помыслы (если они хорошие, то плитки станут полностью золотыми, если нет – обратятся в чёрную пыль). В конце концов парнишки с трудом выдержали испытание и вернулись домой с золотом. «Голубую змейку с той

поры ребята не вызывали. Поняли, что она сама наградой прикатит, если заслужишь, и оба удачливы в своих делах были. Видно помнила их змейка и чёрный обруч от них золотом отделяла».

По сути, в сказке «Голубая змейка» присутствуют три змеи – голубая, золотая и чёрная. Главная здесь только голубая, а золотая и чёрная представлены струями или обручами.

Взрослый читатель без труда поймет идею, которую заложил в сказке Павел Петрович Бажов. Устами и поступками сказочной героини призывает людей быть бескорыстными по отношению друг к другу. Умение понимать другого человека, прислушиваться к его желаниям тоже очень ценное качество для людей. Взрослые также понимают, Голубая Змейка – это не что иное, как судьба или фортуна. Поэтому она сворачивается клубком и прыгает, всернувшись колечком.

Голубая змейка – последний осколок древнего язычества... Более того – «...люди на Урале змеёвок любят, уважают больше, чем отца их – Великого Полоза, и даже в их честь «змеинный праздник» справляют 25 сентября».

И Великий Полоз и Голубая змейка «Не любят, чтобы около золота обман да мошенство были, а пуще того, чтобы один человек другого утеснял».



ИЮЛЬ

ВЕЛИКИЙ ПОЛОЗ



“ЗМЕЙ ВЛАСТЕН НАД ВСЕМ ЗОЛОТОМ, МОЖЕТ ОПОЯСАТЬ ЕГО, ПРИТЯНУТЬ К СЕБЕ: «ГДЕ ОН ПРОЙДЕТ – ТУДА ОНО И ПОБЕЖИТ».

Исполинский Змей, прозванный на Урале Великим Полозом – еще один Хозяин земных недр. Уральский Великий Полоз унаследовал многое из архаичного представления наших гиперборейских предков.

Он хранитель недр, прежде всего золота. Его отличие в способности принимать личину человека, а потом превращаться обратно. Выползает на свет божий привык прямо из-под земли.

По уральским поверьям, где проползет Полоз, там и золото. П. П. Бажов пишет:

«И вот видят ребята – человека того уж нет. Которое место до пояса – все это голова стала, а от пояса шея. Потом туловище выгнулось прямо на костер, вытянулось по земле, и поползло это чудо к рябиновке, а из земли все кольца выходят и выходят. Ровно им конца нет... Дошел до рябиновки и полез в воду, а вода сразу и замерзла по ту и по другую сторону. Змей перешел на другой берег, дотянулся до старой березы, которая тут стояла, и кричит: – заметили? Тут вот и копайте! Хватит вам по сиротскому делу. Чур, не жадничайте!»

Но если у людей начнется жадность, драка или обман, то пропадет жилка тут же, значит отвел Полоз золото. Великий Полоз, как и Хозяйка Медной горы, охраняет свои владения, стараясь не допускать человека до разработки золотоносных мест: «пужал», показываясь «в своем полном виде». Бажов описывает Полоза как исполинского змея с человеческим лицом. В своем истинном облике змей настолько огромен, что когда перемещается по земле, его сверкающие золотой чешуей кольца видны над верхушками деревьев.

Фигура Полоза создавалась Бажовым на основе суеверий древних хантов и манси, уральских легенд и примет горняков и рудознатцев.

С ним даже связывают возникновение Уральских гор: «Решил гигантский Полоз опоясать землю, однако остановился у порога Северного-Ледовитого океана, а затем и окаменел, превратившись в Уральский хребет: его кровь стала нефтью, а внутренности – полезными ископаемыми».

Может полоз и человеком обернуться, с золотой бородой да в богатых иноземных одеждах. Глаза зеленые, светятся, как у кошки, а смотрят ласково, по-доброму. Мужская ипостась змея проявляется в сказе «Про великого Полоза». Цвет одежды символизирует золотые залежи, ведь желтый и красный цвета – функциональные эквиваленты огня, второй ипостаси золота. Огненная сущность Полоза проявляется и в том, что он оставляет после себя участки выжженной земли.



Избыточный вес персонажа – тяжесть драгоценного металла. Яркое свечение глаз и желтый отлив кожи – телесные аномалии, выдающие сверхъестественную суть персонажа. От Полоза исходит блеск камня: «свет не такой, как от солнышка, а какой-то другой, и холодом потянуло».



“ «КАФТАН ЭТО НА НЕМ, ШТАНЫ – ВСЕ ЖЕЛТОЕ, ИЗ ЗОЛОТОЙ, СЛЫШЬ-КО, ПОПОВСКОЙ ПАРЧИ, А ПОВЕРХ КАФТАНА ШИРОКИЙ ПОЯС С УЗОРАМИ И КИСТЯМИ, ТОЖЕ ИЗ ПАРЧИ, ТОЛЬКО С ЗЕЛЕНЬЮ. ШАПКА ЖЕЛТАЯ, А СПРАВА И СЛЕВА ПО НЕЙ КРАСНЫЕ ЗАГОРИНЫ, И САПОЖКИ ТОЖЕ КРАСНЫЕ. ЛИЦО ЖЕЛТОЕ, В ОКЛАДИСТОЙ БОРОДЕ, А БОРОДА ВСЯ В ТУГИЕ КОЛЬЦА ЗАВИЛАСЬ. ТОЛЬКО ГЛАЗА ЗЕЛЕННЫЕ И СВЕТЯТ, КАК У КОШКИ. МУЖИК... ГРУЗНЫЙ. НА КОТОРОМ МЕСТЕ ВСТАЛ, ПОД НОГАМИ У НЕГО ЗЕМЛЯ ВДАВИЛАСЬ».

Обитает змей в пещерах и старых штольнях, горах, лесах, болотах – на территориях потенциально опасных для человека. «А ходить он может и по земле, и под землей, как ему надо, места может окружить сколько хочет». Обычно люди стремятся избегать встречи с этим существом, так как оно достаточно агрессивно настроено. Лишь бесстрашные, отважные люди типа одинокого отставного солдата Семеныча без опаски подходят на близкое расстояние.

Наиболее активен змей на закате и восходе солнца, в полночь, в полдень. Встреча с ним регулируется рядом запретов ритуально-этического характера. Запрещено, к примеру, рассказывать о столкновении с фантастическим существом – «Молчок про эти дела, а то все испортите». Не допускаются ссоры из-за добычи, не следует лгать, проявлять алчность, жестокость, во всем необходимо соблюдать справедливость». «Не любит, вишь, он, чтобы около золота обман да мошенства были, а пуще того, чтобы один человек другого утеснял».

Великий Полоз как хранитель и хозяин золота осуществляет по отношению к человеку принцип морально-этической справедливости. Он «отводит» золото, стягивает его по кольцу, если из-за него между людьми начинается драка, смертоубийство или если рассыпанное золото, найденное старателями, забирает контора. Не случайно, одаряя по просьбе Семеныча сыновей Левонтия, Пантелея и Костьку золотой жилой, Полоз все-таки выражает сомнение: «А не испортим мы с тобой этих ребятишек? ...Меньшенький-то вон тонкогубик. Как бы жадный не оказался». Эти слова Полоза оказались пророческими. Его дар действительно губит Костьку Рыжего, убивая в нем человека. Это своеобразный дракон, который накажет любого, кто попытается его «огрбить». Он олицетворяет вечное желание старателей выбраться из нищеты, внезапно разбогатев.

Коренные жители Урала вогулы, обожествляли некоторые горные вершины, населяли их духами и «ялпын уй» – священными животными. Зачастую даже самим горным хребтам приписывалось «змеиное» происхождение. В далёкой древности коренные племена Урала, зыряне и манси, пытались объяснить происхождение протянувшегося на три тысячи километров горного хребта. Учитывая форму Уральских гор, речь неизменно шла о змеях, которых в этих краях особенно чтили.

В сказаниях говорится, что некогда появился на свете Полоз, что решил охватить собою всю землю. Он был велик, и, не исключено, что такой замысел был бы воплощён в жизнь, но Полоз столкнулся с непредвиденной преградой. Оказавшись рядом с Северным Ледовитым океаном, он уткнулся в него и заледенел.

Вот например Евгений Пермяк в своем сборнике «Уральские были-небылицы» на свой манер пересказывает легенду о происхождении Каменного пояса:

<...> Вскорости, как наша земля отвердела, как суша от морей отделилась, из глубин земли, из степей прикаспийских золотой Змей-полоз выполз. С хрустальной чешуей, с самоцветным отливом, огненным нутром, рудяным костяком, медным прожильем... Задумал

мал собою землю опоясать. Задумал и пополз от каспийских полуденных степей до полуночных холодных морей. <...>

И решил он через льды холодных морей напрямки махнуть. Махнуть-то махнул, только каким ни будь толстым лед, а разве такую махину выдержит? Не выдержал. Треснул. Осел.

Тогда змей дном моря пошел. Ему то, что при неохватной-то толщине? Брюхом по морскому дну ползет, а хребет поверх моря высится. Такой не утонет. Только холодно. Как ни горяча огневая кровь у Змея-Полоза, как ни кипит все вокруг, а море все ж таки не лохань с водой. Не нагреешь. Остывать начал полоз. С головы. Ну, а коли голову застудил – и тулову конец. Коченеть стал, а вскорости и вовсе окаменел. Огневая кровь в нем нефтью стала. Мясо – рудами. Ребра – камнем. Позвонки, хребты, стали скалами. Чешуя – самоцветами. А все прочее – всем, что только есть в земной глубине. От солей до алмазов. От серого гранита до узорчатых яшм и мраморов.

Годы прошли, века минули. Порос окаменевший великан буйным ельником, сосновым раздольем, кедровым весельем, лиственничной красой. И никому не придет теперь в голову, что горы когда-то живым Змеем-полозом были. <...>.

Евгений Пермяк «Сказка-приказка про родной Урал».

Красивая легенда. Жаль, забывают ее понемногу. Оброс Седой Урал заводиками, все копаются, все что-то добывают, перерабатывают... Старые они, Уральские горы. Спит наш Полоз много веков...

АВГУСТ

ЗОЛОТОЙ ВОЛОС



Наказание Полоза могло настичь и его собственных дочерей, а не только людей. Оно из башкирских преданий рассказывает о девушке-змеяке, прозванной Золотой Косой. Она славилась неземной красотой и гордилась прекрасными косами цвета чистого золота. Всё шло благополучно, но однажды во время прогулки красавица увидела молодого богатыря Айлып, в которого без памяти влюбилась. Суровый отец не был доволен таким раскладом, а потому запретил дочери выходить из дома.

Вот только Золота Коса ослушалась приказа, за что сразу же была наказана. Её косу Великий Полоз удлинил на 10 сажень. Бедная девушка не могла ступить и шагу с такой

тяжестью, однако своей помощницей Золотая Коса сделала служанку, что рассказывала ей обо всём, передавала послания богатыря. Тем не менее, в этой истории последнее слово осталось за Великим Полозом.

Эту легенду описал П. П. Бажов в сказе «Золотой волос». Этот сказ является прямым «переложением» башкирского сюжета. П. Бажов рисует неповторимую красоту башкирского края, его просторы, крутые горы, окруженные непроходимыми лесами и в других своих сказах.

«Теперь лес – в небо дыра, а в ту пору – и вовсе было ни пройти, ни проехать, – читаем мы в сказе «Золотой Волос». – В лес только те и ходили, кто зверя промышлял». А башкирам, «видишь, для скота приволье требуется, где еланки да степочки».

Главный герой сказа – башкирский богатырь Айлып. Это общий тюркский могучий богатырь, охотник, силач Алпамыш. У разных племен его имя звучало по-своему: у алтайцев Алып Мянаш, у западносибирских татар Алып Мямшан, у чувашей Улып, у башкир более известен Алпамыша или Алп-батыр, рожденный из камня. В башкирских сказках он, подобно русскому Ивану-царевичу, побеждает змея-аджаху, который поедает девушек.

Перед нашим мысленным взором возникает реалистическая картина-миниатюра: оказавшись в неведомом лесу, герой сказа башкирский охотник Айлып «выбрал листвянку повыше, да и залез на самый шатер. Глядит, недалечко от той листвянки речка с горы бежит. Небольшая речка, веселая, с камешками разговаривает и в одном месте так блестит, что глаза не терпят. «Что, – думает, – такое?».



«СМОТРИТ, А ЗА КУСТОМ НА БЕЛОМ КАМЕШКЕ ДЕВИЦА СИДИТ КРАСОТЫ НЕВИДАННОЙ, НЕСЛЫХАННОЙ, КОСУ ЧЕРЕЗ ПЛЕЧО ПЕРЕКИНУЛА И ПО ВОДЕ КОНЕЦ ПУСТИЛА. А КОСА-ТО У НЕЙ ЗОЛОТАЯ И ДЛИНОЙ ДЕСЯТЬ САЖЕН. РЕЧКА ОТ ТОЙ КОСЫ ТАК ГОРИТ, ЧТО ГЛАЗА НЕ ТЕРПЯТ».

Недалечко горка и речушка,
По камням водица-то журчит,
Гладит каждый нежно, как подружка,
И, смеясь, бездумно вдаль бежит.

Что за место, что за блеск в водиче?
Слепит, ровно солнце там лежит.
Взгляд правее... и не мог не надивиться,
Девушка на камешке сидит.

А красавица, не описать словами!
Тонкий стан, огромные глаза,

С белоснежной шеей и руками,

В десять сажен золота коса...

Девушка попросила охотника взять ее в жены, сказала, что отец ее золотой Полоз, который все золото вокруг к себе притягивает, т.к. волосы девушки из чистого золота. Золото традиционно ассоциируется с солнцем и светом, абсолютной красотой. Как и любое богатство, золото имеет двойственную природу и испытывает героев. Золотой волос отдает золото не в качестве дара, а в качестве жертвы во имя любви. Она символически отказывается от «темной» сущности ради любви к человеку.



Как и во многих сказках им пришлось пройти три испытания, чтобы быть вместе. Помогали им лисичка – няня девушки и мудрая птица филин. Башкирский охотник Айлып находит, по совету филина, остров на котором можно от золотого Полоза спрятаться под озером Иткуль, где он бессилен. Айлып в течение трех лет прорубает к нему дорогу через лес. И в третий раз удается охотнику унести Золотой волос и они остаются жить вместе на острове. Там чары Полоза не действовали и влюбленные стали жить под водой. А в озере люди стали находить золотые волоски из косы Золотого волоса. Тема символического со-

юза мифического существа и человека очень популярна в фольклорной традиции. С точки зрения башкир такой брак гарантирует успех в карьере, богатство и достаток.

На облик героини Бажова наложился образ Золотой Бабы, о существовании которой уже в XVI веке ходили легенды. Золотая Баба – мансийская богиня среднего мира, покровительница людей Калташ-эква, которую еще зовут Сорни-най (Золотая, Огненная).

Это молодая красивая женщина. Особой поэтичностью отличается описание ее волос – распущенные, «они развеваются как семикратная Обь вместе с устьем, из кос расходится дневной свет, и в них возникает лунный свет». По одной из кос богини, спускающейся с небес до земли «поднимается живой соболь, по другой спускается бобр».



Няня бажовской Золотой девы – рыжая лиса. В мансийских и башкирских сказках она ничем не отличается от русской Патрикеевны, но у Бажова она вдруг принимает человеческий облик. Лисы-оборотни встречаются во многих

преданиях китайского, японского и корейского фольклора. Враждебны людям лисы, чей возраст не достиг 50 лет, остальные теряют интерес к человеческому миру. Вот и бажовская лисичка превращается не в молодую девушку, а в старушку.

Почему этот персонаж появился в уральских сказках, могу только предполагать – через Урал шел Великий Чайный путь из Поднебесной. Да и вообще, от Полоза можно уйти, обладая лишь лисьими качествами.

Тот самый камень, куда спрятались от Полоза влюбленные, в действительности называется Шайтан-камень (дословно – камень Сатаны, черта). Озера и островки особо почитались у манси. Практически все водные источники имели святилища местных богов-покровителей, возможно, именно поэтому Полоз не имел своей силы возле озера. И, быть может, дед Филин (Йипыг-ойка – один из тотемов Обского севера), что помогал влюбленным беглецам, имел власть над Иткулем. На северо-западном берегу озера когда-то разрабатывали месторождение аметистов с включением иголок рутила, а в окрестностях озера растет ковыль...

Так вот и получается, как утверждают легенды, что пришедшие в XIII веке на Урал башкиры «женили» своего былинного богатыря Алпа на мансийской богине Калташ, стало быть, законным образом поселились в этих местах.



В Бажовских сказах «тайная сила» близка и к русским народным сказкам. По свидетельству А. Афанасьева, «в сказаниях народного эпоса часто встречаются герои и героини с золотыми и серебряными волосами». В качестве примера он приводит русскую сказочную царевну Золотую Косу – непокрытую красу. В его же собрании народных русских сказок этот образ мы найдем, например, в «Сказке о Василисе – Золотой Косе»: «...помчал ее вихорь. И унесло Василису Золотую Косу через многие земли великие... в область змея лютого». В совершенно ином осмыслении, в несравненно более тонко разработанном сюжете, с присущим Бажову психологизмом образ девушки Золотой Волос и ее могучего отца – огненного змея Полоза в сказе «Золотой Волос».

СЕНТЯБРЬ

КОШКИ



В сказках Бажова, сохранивших для нас заводские уральские легенды, часто упоминается Земляная кошка. На Урале считалось, что живет этот зверь под землей, а над землей торчат только его рыжие, огненные уши. Где покажутся такие уши – там клад зарыт. А появилось такое поверье, видимо, благодаря сернистым огонькам, вырывающимся из горных пустот.

У коми существуют любопытные сказки и поверья о кошках. Например, существует сказка о девочках, побежавших за кошкой с золотым хвостом. Кошка привела их к медведю, но в конце-концов, девочки крикнули «Рассыпья!» и медведь превратился в монеты. Для нас здесь интересны совпадения с бажовским сказом – бабка Колесишка бормочет: «Змея кошки боится, кошка собаки боится, собака волка боится, волк медведя боится. Дыр-быр-гыр! Чур меня! Рассыпья!». Второе совпадение – камень, закрывающий тайник с «кошачьими глазками» – медными изумрудами, походит на медведя.

На языке коми кошка называется «кань», с ней связан ряд народных примет. Например, вид черного кота может принять «нечистый клад», во время грозы в кошку может ударить молния. Считалось, что с помощью кошки и заговоров можно отвадить от деревни медведей. Тут приходят на память сказки, где действует аршинный кот Ёмы (аналог Бабы Яги), который может превращаться в птиц и старика, плавать, летать, проходить через огонь...

Кошка Муренка из сказа «Серебряное копытце» – это не сказочный, а литературный образ. При сотне пересказов этой истории из уст в уста Муренка не сохранилась бы. Да и стилистика бытования этого образа в сюжете сказа «не фольклорная».

В сказе Павла Бажова «Сочневы камешки» главными «помощницами» Хозяйки Медной горы являются не ящерки, а кошки. Их зеленые глаза принял за изумруды Ванька Сочень, за это он, конечно, в конце сказа поплатился. Жадный Ванька Сочень выколупал глаза, приняв их за самоцветы. Этот сюжет, особенно с кошачьим причитаньем «Мяу-мяу, отдай наши глаза!», откровенно напоминает детские истории-страшилки. А кошки в нем взялись только потому, что самоцветы (изумруды), действительно, похожи на зеленые кошачьи глаза.

Наиболее интересна огромная Земляная Кошка из сказа «Кошачьи уши». Она живет под землей, «по пескам, где медь с золотыми крапинками». Наружу она выставляет только огненные уши, которых боятся волки. По образу жизни она очень напоминает Подземного Зверя Мамонта. «Сказание о Звере Мамонте» записал в Кунгуре В.Н. Татищев. В сказе «Змеиный след» упоминается деревня Кунгурка, которая находится недалеко от места действия сказа «Кошачьи уши». Если Кунгурку основали выходцы из г. Кунгура, то они могли принести с собой и предание о Звере Мамонте. Этот Мамонт тоже живет под землей; когда движется, оставляет за собой ходы-проходы; когда выходит на поверхность, то оставляет «следы Зверя Мамонта» – огромные воронки. Традиционно считается, что в образе Зверя Мамонта древние финно-угры воплотили свое объяснение явления карста (образование пещер и карстовых воронок на поверхности земли) и находок мамонтовых костей по берегам рек. Само же слово «мамонт» (правильно – «маммут») тоже финно-угорское. Но в общем, Зверя Мамонта и Земляную Кошку объединяет только подземный образ жизни.

В русских же поверьях утверждается, что над месторождением золота можно увидеть приведение – рыжего кота. В народных сказках Мамонт скрестился с русским Золотым

котом, и появилась Земляная Кошка: живет в пороках золота и огромная, как Зверь Мамонт.

Во многих русских сказках присутствуют коты, причем они могут быть на стороне главного героя или против него, но неизменно они будут чуть ли не самыми мудрыми зверями.

Баба Яга, живущая с черным котом, говорящий кот Баюн с острыми как меч когтями, способный словами обречь на смерть или наоборот излечить, примеров множество. В конце концов, вспомните, кто в сказках Пушкина живет на Лукоморском дубе?



Поэму «Руслан и Людмила» невозможно представить без учёного кота, что «ходит по цепи кругом». Пушкинский учёный кот – доброе и мудрое существо в отличии от его фольклорного прототипа – кровожадного Кота Баюна, который своими сказками усыпляет для того, чтобы убить. Кот Учёный – сама народная мудрость, кладезь песен и сказок, хранитель русского фольклора.

По версии знатока уральских поверий П. П. Бажова, у кошки «мерцают» не глаза, а уши:

”

«...ВДРУГ ДВА СИНЕНЬКИХ ОГНЯ ВСПЫХНУЛО. НИ ДАТЬ НИ ВЗЯТЬ – КОШАЧЬИ УШИ. СНИЗУ ПОШИРЕ, КВЕРХУ НА НЕТ СОШЛИ... ПОДБЕЖАЛА – ТОЧНО, ДВА ОГНЯ ГОРЯТ, А МЕЖДУ НИМИ ГОРКА МАЛЕНЬКАЯ, ВРОДЕ КОШАЧЬЕЙ ГОЛОВЫ... ДИВИТСЯ ДУНЯХА, КАК ОНИ ГОРЯТ, КОЛИ ДРОВ НИКАКИХ НЕ ВИДНО. НАСМЕЛИЛАСЬ, ПРОТЯНУЛА РУКУ, А ЖАРУ НЕ ЧУЕТ. ДУНЯХА ЕЩЕ ПОБЛИЖЕ РУКУ ПОДВЕЛА. ОГОНЬ МЕТНУЛСЯ В СТОРОНУ, КАК КОШКА УХОМ ТРЯХНУЛА, И ОПЯТЬ РОВНО ГОРИТ... ТАК И ДОБЕЖАЛА ДО ЧУСОВОЙ РЕКИ, А УШИ УЖ НА ТОМ БЕРЕГУ ГОРЯТ».

Вблизи тех мест, по которым бегала Птаха-Дуняха из сказа «Кошачьи уши», возле озера Карасье (тоже упоминаемого в сказах) имеется урочище Кошкарехинский торфяник. Может быть, «кошкар» – это какая-то забытая профессия, а легенда об огненных кошачьих ушах – воплощение народной мифологии.

Горная Кошка (Земляная кошка) – хранитель уральских подземелий и кладов. Она гораздо крупнее обычной кошки: настолько большая, что, по рассказам «на неё можно сесть дюжиной». Обитает она в своих собственных лабиринтах: подземные норы кошки очень протяженные и витиеватые, имеют множество спрятанных входов и выходов. Находясь под землёй, кошка слышит все движения на поверхности.



По легенде, если кому-то повезёт ступить на её территорию, он вскоре узнает об этом и быстро поймет, что ему тут не рады: услышит скрежет когтей по полу, а если не внемлет, то увидит два огромных глаза, мигающих в темноте...

Крестьянская фольклорная традиция приписывает ей роль существа, обладающего сверхъестественной силой. «Два синеньких огня вспыхнуло. Ни дать ни взять – кошачьи уши, а между ними горка маленькая, вроде кошачьей головы... От Гальяна до самой Думной горы по пескам, где медь с золотыми крапинками, уши люди много раз видали, а кошку никому не доводилось. Под землей она ходит».

В сказе «Кошачьи уши» уши кошки этой несколько раз Дуняху от волков спасли, помогли найти дорогу домой и сберегли от пуль в ее сторону. Таким образом, хоть кошка «полностью» здесь не представлена, но явно есть косвенное ее присутствие. Причем образ ее положительный – она спасает девушку несколько раз.

Бажов так объяснял происхождение образа «земляной кошки»: «Образ земляной кошки возник в горняцких сказках, опять-таки в связи с природными явлениями. Сернистый огонек появляется там, где выходит сернистый газ. Он походит на болотный огонек. Но тот стоит свечкой, прямой, тонкий. А сернистый огонек имеет широкое основание и потому напоминает ушко».



ОКТАБРЬ

ОГНЕВУШКА-ПОСКАКУШКА



В русских поверьях Урала считалось, что, если развести костер над месторождением золота, в огне может появиться маленькая танцующая девчонка – Огневушка-Поскакушка – размером с куклу, с рыжими волосами, в голубом сарафане и с голубым платочком в руке.

”

«ВДРУГ ИЗ САМОЙ СЕРЕДИНКИ ВЫНЫРНУЛА ДЕВЧОНОЧКА МАХОНЬКАЯ. ВРОДЕ КУКЛЁНКИ, А ЖИВАЯ. ВОЛОСЁНКИ РЫЖЕНЬКИЕ, САРАФАНЧИК ГОЛУБЕНЬКИЙ И В РУКЕ ПЛАТОЧЕК, ТОЖЕ СГОЛУБА.

ПОГЛЯДЕЛА ДЕВЧОНКА ВЕСЁЛЫМИ ГЛАЗКАМИ, БЛЕСНУЛА ЗУБЁНКАМИ, ПОДБОЧЕНИЛАСЬ, ПЛАТОЧКОМ МАХНУЛА И ПОШЛА ПЛЯСАТЬ. И ТАК У НЕЙ ЛЕГКО ДА ЛОВКО ВЫХОДИТ, ЧТО И СКАЗАТЬ НЕЛЬЗЯ. У СТАРАТЕЛЕЙ ДУХ ЗАХВАТИЛО. ГЛЯДЯТ – НЕ НАГЛЯДЯТСЯ, А САМИ МОЛЧАТ, БУДТО ЗАДУМАЛИСЬ.

ДЕВЧОНКА СПЕРВА ПО УГОЛЬКАМ КРУГИ ДАВАЛА, ПОТОМ, – ВИДНО, ЕЙ ТЕСНО СТАЛО, – ПОШИРЕ ПОШЛА. СТАРАТЕЛИ ОТОДВИГАЮТСЯ, ДОРОГУ ДАЮТ, А ДЕВЧОНКА КАК КРУГ ПРОЙДЁТ, ТАК И ПОДРАСТЁТ МАЛЕНЬКО. СТАРАТЕЛИ ДАЛЬШЕ ОТОДВИНУТСЯ. ОНА ЕЩЕ КРУГ ДАСТ И ОПЯТЬ ПОДРАСТЁТ. КОГДА ВОВСЕ ДАЛЕКО ОТОДВИНУЛИСЬ, ДЕВЧОНКА ПО ПРОМЕЖУТКАМ В ОХВАТ ЛЮДЕЙ ПОШЛА, – С ПЕТЛЯМИ У НЕЙ КРУГИ СТАЛИ. ПОТОМ И ВОВСЕ ЗА ЛЮДЕЙ ВЫШЛА И ОПЯТЬ РОВНЕНЬКО ЗАКРУЖИЛАСЬ, А САМА УЖЕ РОСТОМ, С ФЕДЮНЬКУ. У БОЛЬШОЙ СОСНЫ ОСТАНОВИЛАСЬ, ТОПНУЛА НОЖКОЙ, ЗУБЁНКАМИ БЛЕСНУЛА, ПЛАТОЧКОМ МАХНУЛА, КАК СВИСТНУЛА:

– ФИ-ТЬ-ТЬ! Й-Ю-Ю-У...

ТУТ ФИЛИН ЗАУХАЛ, ЗАХОХОТАЛ, И НИКАКОЙ ДЕВЧОНКИ НЕ СТАЛО.

...ВЫХОДИТ – И ВПРЯМЬ ОГНЕВУШКА-ПОСКАКУШКА ПРИХОДИЛА.

...ГДЕ ТАКАЯ ПОСКАКУШКА ПОКАЖЕТСЯ, ТАМ И ЗОЛОТО».

Озорное рыжеволосое существо с веселыми глазами, в голубом сарафане и с голубым же платочком, которое постоянно двигается и пляшет. Поневоле увидите небольшой огонек. Если Огневушка появляется в костре, то одежда у нее более светлая, в дыму же сарафан и волосы девочки становятся темнее. Рост у Огневушки все время меняется, как меняется и пламя огня. Сначала она маленькая, «вроде кукленки», но постепенно становится все больше, ростом с 8-летнего мальчонку.

В сказе П. П. Бажова «Огневушка-Поскакушка» образ главной героини переплетается с фантастическими образами задорной девчонки Огневушки, сулящей своей пляской находку золотого песка.



Не случайно, как зачарованные следят ребяташки и за танцем Поскакушки. Детям важно не столько богатство, которое несет с собой «тайная сила», сколько чудо-красота, сопутствующая появлению этого богатства.

Главной чертой Поскакушки, от которой она и получила свое прозвище, является умение исполнять магический танец, открывающий залежи золотого песка. Не каждому дано увидеть веселую Огневушку. Да если увидишь – главное не спугнуть ее, а внимательно посмотреть, где она свой магический танец танцевать станет. В том месте и есть золото, сидящее «редькой». Своей пляской Огневушка способна превратить зиму в лето. Видимо, жар от девочки такой, что снег тает, а деревья наливаются цветом. Любит Поскакушка и петь. Если же Огневушка покажется в огне домашней печи или выберется из нее, то там, куда она ступала, вещи оказываются прожженными. На Федюньких рукавицах остались такие следы-дырочки, как будто выжженные и обуглившиеся по краям. Способна Поскакушка проходить сквозь предметы, но это она делать все же не любит.



В сказках Бажова, даже если золото дается в награду человеку, оно все-таки таит в себе опасность. Исключение составляют случаи, когда золото дается в дар детям, еще не испорченными жаждой наживы.

Огневушка-Поскакушка награждает дедку Ефимку с Федюнькой за их бескорыстие и доверчивость, позволив им *«годов с пяток в достатке жить»*.

Огневушка происходит от знаменитого идола – Золотой бабы, в переводе – «золото-огонь». Вот и выстраивается цепочка: золото – огонь – женщина – Огневушка-Поскакушка.

«...Где такая Поскакушка покажется, там и золото. Не сильное золото и не пластом лежит, а вроде редьки посажено. ...Только вот забыл в котором месте ту редьку искать: то ли где Поскакушка вынырнет, то ли где она в землю уйдет».

Языческое происхождение Огневушки (взаимосвязь золота и огня, пляска по кругу, как в языческих хороводах) отрицать нельзя. На это указывает и связь Огневушки с уханьем филина, птицы «мистической». Может быть, для анализа этого образа что-либо даст семантическое сравнение понятий «Огневушка над золотом», «девица-огневица», «огневица-лихорадка» и «золотая лихорадка».

Специалисты по мансийскому фольклору укажут на образ «огненной девы», которая по-мансийски звалась «Сорни-Най». Дословный перевод – «золото-огонь». Опять выстраивается взаимосвязь понятий «женщина» (баба) – «огонь» – «золото». Возможно, Огневушка – «персонификация» двух названий Золотой Бабы: русского и мансийского (вогульского).

Русские рудознатцы говорили, что «руда голос подает». Они могли обнаружить рудные залежи по признакам на поверхности земли: по вкусу воды из родника или болотца над месторождением, по растениям, по оголенной древесине, по цвету почвы. Может быть, в костре, горящем над месторождением золота, они видели языки пламени какого-то иного оттенка, нежели обычный, и этот оттенок чем-то напоминал оттенки женского сарафана? А уподобление танца огня танцу девушки, «веселой девчонки», – это очень красивая, ясная и легкая для запоминания литературная метафора.



В произведениях П. Бажова мистические персонажи, такие как земляная кошка с фосфорными ушами, Серебрянное копытце, девка Синюшка, Голубая змейка и Огневушка-Поскакушка находятся в услужении главного персонажа Хозяйки Медной Горы. Огневушка-Поскакушка олицетворяет собой подземный огонь, необходимый для возникновения месторождений золота.

НОЯБРЬ

БАБКА СИНЮШКА



“ «РОСТОМ НЕ БОЛЬШЕ ТРЕХ ЧЕТВЕРТЕЙ. ПЛАТЬИШКО НА НЕЙ СИНЕЕ, ПЛАТОК НА ГОЛОВЕ СИНИЙ И САМА ВСЯ СИНЁХОНЬКА, ДА ТАКАЯ ТОЩАЯ, ЧТО ВОТ-ВОТ ПОДУЕТ ВЕТЕРОК – И РАЗНЕСЕТ СТАРУШОНКУ».

Образы старух в сказках П. П. Бажова не особенно многочисленны, но очень выразительны. Бабушка Вихориха («Каменный цветок»), бабка Лукерья («Синюшкин колодец»), бабка Анисья («Чугунная бабушка») выполняют важную социокультурную функцию: они являются хранительницами мировоззренческого и социального опыта. Так, бабушка Вихориха первой рассказывает Даниле о каменном цветке; Бабка Лукерья, давая Илье наставления, упоминает о бабке Синюшке, чугунная фигурка бабки Анисьи способна вступать в диалог с потомками, рассказывать о работе искусных мастеров. В сказе «Сочневы камешки» появляется образ бабки Колесишки – это комический двойник бабушки Вихорихи. Колесишка – лжеведунья, она не обладает тайным знанием. В сказе «Дорогой земли виток» возникает весьма колоритный образ бабки Кумиды. Эта старуха, вступившая в партизанский отряд, оказывается замечательной лекаркой. Как и другие старики и старухи в сказках П. П. Бажова, ее действия и рассказы выполняют функцию «связи времен»: *«Послушаешь, – будто дело прошлое, а подумаешь, – как раз тебе это и сейчас надо».*



Но самый яркий, мистический и даже зловещий – это образ бабки Синюшки. Генетическое родство бабки Синюшки с Бабой-Ягой очевидно. Почему же в «центральной» России образ Бабы-Яги оказался более «стойким» к изменениям, чем на Урале? Причина, возможно, кроется в том, что Урал – это и есть «родина» Бабы-Яги, регион, где этот образ сформировался.

Интересную версию происхождения образа Бабы-Яги дал А. Захаров в статье «По следам Бабы-Яги» в журнале «Уральский Следопыт». Вкратце эта версия сводится к следующему. Святилища (капища, кумирни) уральских

финно-угров представляли собой тайную поляну в лесу и были окружены частоколом, на котором вывешивались черепа принесенных в жертву идолам животных. В центре стояла священная избушка-амбарчик – «сомьях». Она была размером, скажем, с письменный стол, «без окон и дверей». Амбарчик был установлен на высоких пнях или столбах (одном, двух, четырех), чтобы не залез медведь, куница или россомаха (так и сейчас охотники ставят свои лесные амбары на заимках). В амбаре лежала резная деревянная кукла – «иттарма» – вместилище души («лилли хеллехолас») умершего или божка. Иттарма была одета в человеческие одежды – например, национальную одежду ягу. Такие святилища застали русские крестители, завоеватели и колонизаторы, когда в XV веке Урал (княжества Пермь Старая, Пермь Великая и Югра) были присоединены к Руси. А XV век – это время складывания современного русского фольклора. Вот так и родилась зловещая Баба-Яга (баба в яге), которая лежит (живет) в избушке на курьих ножках посреди глухого леса.

И бабка Синюшка не родилась из русского образа Бабы-Яги, а появилась на свет из вогульской обрядовой практики, современной для русских на Чусовой, тем же путем, что и Баба-Яга. Косвенным доказательством данной версии «вогульского» происхождения бабки Синюшки может служить то, что в эпизоде разговора с ведьмой в сказе «Сочневы камешки» ведьма советует Ваньке Сочню надеть «собачью ягу».



Важный материал дает сравнение образа Болотницы у Мельникова и бабки Синюшки у Бажова. Болотница – передает писатель поверье поволжских лесников – живет в чарусе. «Такая красавица, какой не найдешь в крещеном миру», она соблазняет людей обещанием «неслыханных наслаждений», а также «грудами золота и горами жемчуга», но неизменно губит всех, кто соблазняется ее обещаниями или обольщается ее красотой.

Бажовская бабка Синюшка обитает в лесном озерце, она также может принять облик необыкновенно красивой женщины и также соблазняет людей золотом и дорогими камнями.

Но – и в этом решающее отличие ее от Болотницы – губит она только жадных, корыстных людей, а бескорыстных, «удалых да простой души» – награждает.

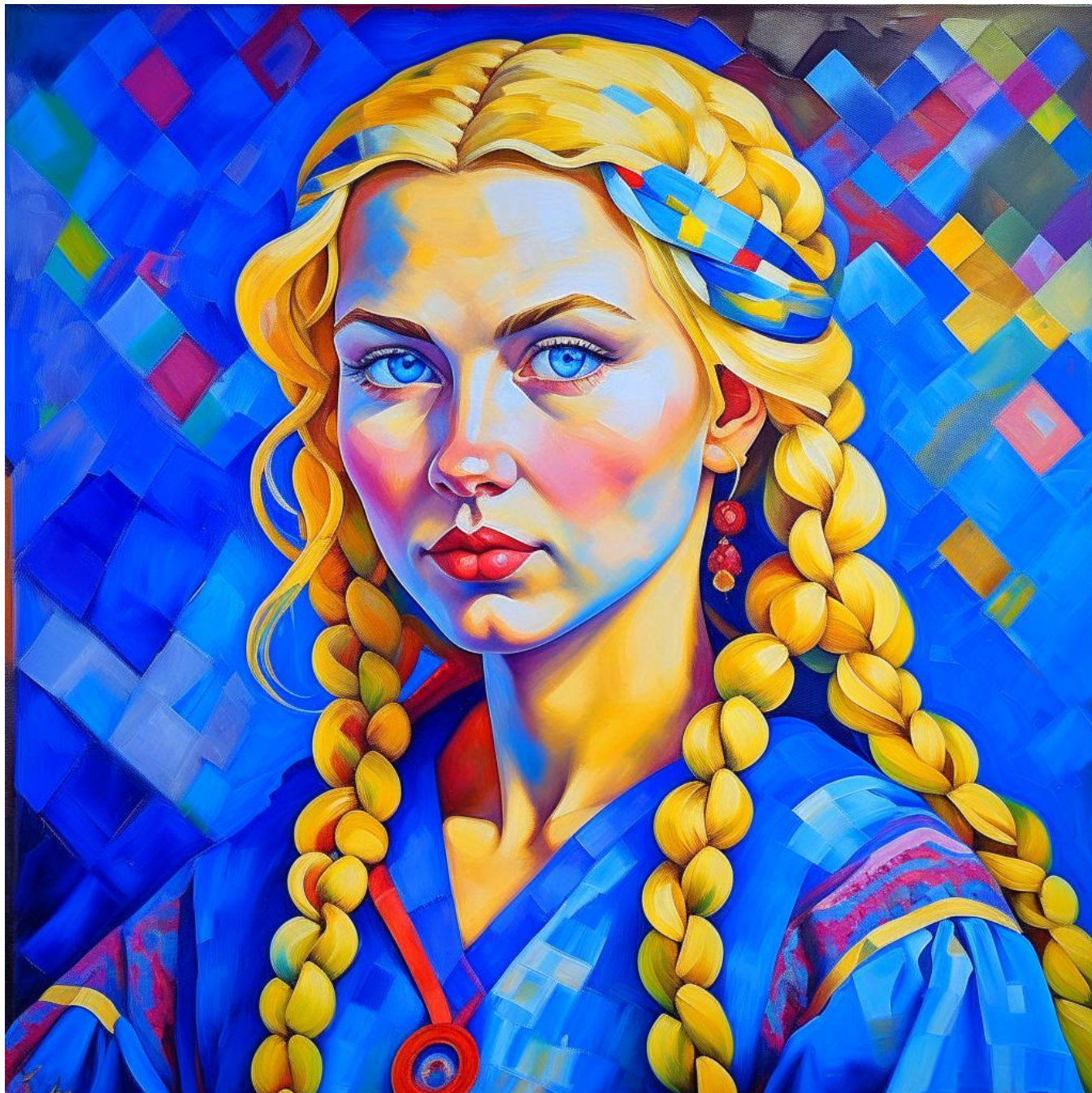
Почему старушонка одета в синий цвет? Почему именно синим туманом поддернут ложок с болотцем Синюшки? Синий (серный) туман наблюдается в местах выхода серного колчедана. В старину среди рудознатцев бытовало поверье, что именно в такой местности скрыто земельное богатство. Интересно, что в советское время этот факт был подтвержден: в окрестностях Зюзельского болота под «железной шапкой» было открыто месторождение серно-медных колчеданов. Они же пирит и халькопирит, они же – «золото дураков». Дается это богатство только честному, смелому, да «простой душе».

Синюшка не уступала Хозяйке Медной горы ни в красоте, ни в представляющей опасности. Молодым и удалым парням она являлась в образе белокурой и голубоглазой красавицы.

У кого не было корысти, она награждала золотом. Однако после встречи с ней парня овладевала тоска и он не мог забыть голубоглазую красавицу.

”

«ПРОСТАЯ ДЕВЧОНКА, В ОБЫКНОВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ РОСТ. ГОДОВ ТАК ВОСЕМНАДЦАТИ. ПЛАТЬИШКО НА НЕЙ СИНЕЕ, ПЛАТОК НА ГОЛОВЕ СИНИЙ, И НА НОГАХ БАРЕТОЧКИ СИНИЕ. А ПРИГОЖАЯ ЭТА ДЕВЧОНКА – И СКАЗАТЬ НЕЛЬЗЯ. ГЛАЗА ЗВЕЗДОЙ, БРОВИ ДУГОЙ, ГУБЫ – МАЛИНА, И РУСА КОСА ТРУБЧАТАЯ ЧЕРЕЗ ПЛЕЧО ПЕРЕКИНУТА, А В КОСЕ ЛЕНТА СИНЯЯ».



Синюшка – воплощение земного богатства, скрытого в земле. Именно поэтому она может принимать самый разный облик – начиная от древней старушонки, простой девушки и заканчивая исполинской красавицей в царском одеянии. Да и подарок её Илюхе – простые ягоды, вдруг превращается в самоцветы именно потому, что Синюшка – часть уральской природы.

ДЕКАБРЬ

СЕРЕБРЯНОЕ КОПЫТЦЕ



“

«ТОТ КОЗЕЛ ОСОБЕННЫЙ. У НЕГО НА ПРАВОЙ ПЕРЕДНЕЙ НОГЕ СЕРЕБРЯНОЕ КОПЫТЦЕ. В КАКОМ МЕСТЕ ТОПНЕТ ЭТИМ КОПЫТЦЕМ – ТАМ И ПОЯВИТСЯ ДОРОГОЙ КАМЕНЬ. РАЗ ТОПНЕТ – ОДИН КАМЕНЬ, ДВА ТОПНЕТ – ДВА КАМНЯ, А ГДЕ НОЖКОЙ БИТЬ СТАНЕТ – ТАМ ГРУДА ДОРОГИХ КАМНЕЙ».

Весьма примечателен персонаж по имени Серебряное Копытце. Вообще золотая (серебряная) окраска или своеобразная структура тела, когда некоторые его части полностью состоят из золота, серебра, драгоценных камней, являются качественными характеристиками «волшебного». У Серебряного Копытца – серебряная конечность. Кроме копытца есть еще ряд внешних признаков, выделяющих животное из разряда обычных: «Рожки у него отменные. У простых козлов на две веточки, а у него на пять веток. Простые зимой безрогие ходят, а этот всегда с рожками, хоть летом, хоть зимой».



Данный персонаж умеет подражать звукам, издаваемым человеком: в ответ на домашний призыв Дарёнки «мека-мека» козел смеется и убегает. В описании Серебряного Копытца особо акцентируется момент отсутствия запаха («козел лесной, лесом и пахнет»). «Аромат» леса в этом конкретном случае выдает принадлежность его носителя к «волшебному» пространству.

Образ волшебного «козлика» П. П. Бажова, не просто вымысел, ведь уже тысячи лет назад люди считали важным его изображать, тем более в священных для них местах.

Истоки волшебного образа в месте бытования сказа «Серебряное копытце» – на Урале. В двух сказах Павла Петровича Бажова мы встречаем образ волшебного копытного. В сказе «Тяжелая витушка» это Серебряный олень, «где пройдет, там золото найдешь». А в сказе «Серебряное копытце» автор дает развернутое описание этого копытного: лесной козлик, ростом не выше стола, ножки тоненькие, головка лёгонькая. На правой передней ножке – серебряное копытце. Где топнет – там камни драгоценные найдешь.

Олень в первом сказе, косуля во втором, но, кажется, что это один и тот же образ, просто говорят о нем представители разных профессий: старатель (в сказе Тяжёлая витушка) видит оленя, а охотники (сказ Серебряное копытце) – лесного козла. Охотники на Урале лесным козлом называют косулю. Косуля – это малорослый вид оленьего рода. К тому же у этого образа есть общие черты: упоминание серебра; встреча с ними предвещает старательскую удачу и богатство. Герои сказов видят в них носителей «тайной силы и знаний», причастность к «волшебному» миру, отличие от обычных оленей и косуль.

В меднокаменном веке (7–6 тыс. лет назад) общества древнейших охотников-рыболовов Урала для удачной охоты или рыбалки совершали магические обряды в особо почитаемых местах – святилищах, на берегах рек и озер. Ритуальные действия сопровождались созданием наскальных рисунков – писаниц, где изображали желанную добычу. Создатели писаниц выбрали небольшой круг животных для ритуальных изображений, чаще всего рисовали лосей, оленей и косуль. Наибольшее количество рисунков расположено по берегам рек Тагил, Нейва, Реж.

Еще одно святилище с жертвенной площадкой и ритуальными предметами было открыто археологами на торфяниках Среднего Урала – Горбуновском и Шигирском. Деревянные жертвенные сосуды в виде лося, деревянный черпак с рукоятью в виде лосиной головы, роговое навершие шаманского посоха в виде головы лося, остатки ритуальной маски, изображающей лося. С этими вещами можно ознакомиться в Свердловском областном краеведческом музее в г. Екатеринбург, в зале «Шигирская кладовая».

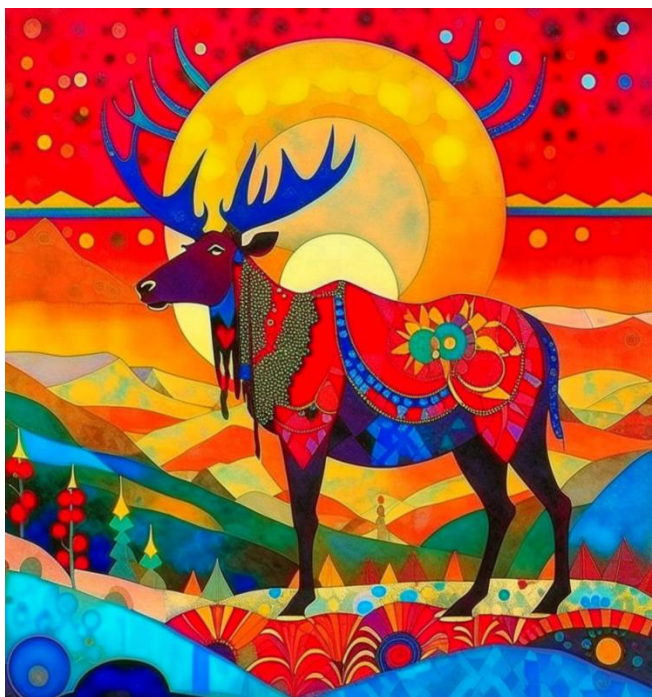
Начиная с 12 века н.э. на Урал стали проникать изделия из Иранского серебра, в обмен на пушнину. Коренные жители Урала использовали эти серебряные блюда в обрядах, нанося на них свои сакральные знаки – образы копытных и шаманов. Большое количество серебряных изделий, в основном блюд, находят на мансийских святилищах.

В мансийской мифологии можно видеть особое отношение к копытным. Так, например, лося нельзя было называть напрямую, а только иносказательно – «вещь с большими ногами», косулю называли «священные вещи», а оленя – «рогатый бык».

Для некоторых родов манси женщина-косуля, олень, лось – это тотемные животные, которых они почитали, как предков. Но в то же время, это и основные промысловые животные. Считалось, что первый волшебный лось, до появления людей, жил на небе и у него было шесть ног. Младший сын верховного бога отправился за ним в погоню. Охотник до-

гнал зверя и отрубил две лишние ноги, чтобы будущим людям было проще добывать это животное. С тех пор лось живет на Земле, став добычей земных охотников. А на небе остались следы небесной погони – лыжня по которой шел охотник превратилась в Млечный путь, а шкура убитого небесного лося превратилась в созвездие Лося (Большая медведица).

У манси существуют отголоски лосиного праздника «по случаю добычи первого лося весной». В прошлом он был широко распространён и имел связь с весенним равноденствием, с ожиданием прихода весны и оживания природы.



Лось/олень воспринимается как светлый космический зверь, связанный с Верхним миром, с солнцем; его рога – лучи солнца или вершина мирового дерева. Рога оленя/лося манси считают оберегом от злых духов, ими украшали крыши домов, известен орнамент «рога оленя». Такой орнамент наносят на берестяные короба; плетут из бисера, составляют из кожи и кусочков меха и украшают одежду, тем самым оберегая владельца от бед.

Почитание Луны и Солнца у Манси выразилось в отношении к серебру, как к «священному, небесному металлу». Перед проведением обряда вызова духов перед жильем ставили несколько серебряных тарелочек, чтобы «небесная лосиха/важенка» могла стоять не на голой земле или снегу. В некоторых случаях серебряные блюда использовали как трон для фигурок духов-покровителей.

Серебряное копытце – сказочный персонаж, который, кажется, целиком выдуман Бажовым. Но и здесь можно найти мифологические корни. Как считает писатель Алексей Иванов, много лет посвятивший изучению истории и культуры Урала, в «Серебряном копытце» наиболее полно отразилась мифология финно-угров. Герой Бажова символизирует Лося, которому поклонялись древние финно-угорские народы.

Этот олень – самый поэтический образ из сказов Бажова. Существует древнеславянская легенда о золоторогом олене с серебряным копытом, который якобы дважды является на землю: предвещая весну и предвещая зиму.



ПОСЛЕДНИЙ ЛИСТ КАЛЕНДАРЯ



Известнейший зимний сказ Павла Петровича Бажова о козлице Серебряном копытце появился в 1938 году во втором томе альманаха «Уральский современник». Естественно, что выход этого зимнего сказа не подгадывался под Рождество. Такого просто и быть-то не могло – Рождество уже двадцать лет как не праздновалось. Просто первый том альманаха вышел в начале года, ну а второй – в конце. Вот и пришлось событие на новогодний рубеж.

Публикацию в Свердловске, оказывается, заметили в Москве. Сочли неблагонадежной. И вот уже в газете «Правда» был подготовлен критический очерк, в котором сказы Бажова решено было разделать под орех, а самого автора очернить, как «фальсификатора

настоящего фольклора». Вот подумайте, если бы такое произошло – никогда бы не узнали мы ни о «Каменном цветке», ни о «Малахитовой шкатулке», ни о «Серебряном копытце»! Да как бы вообще жила Страна Сказок без Данило-мастера, Хозяйки Медной горы, бабки Синюшки?! Мало того что мы лишились бы великих метафорических сюжетов, так еще и не узнали бы, насколько ярко, сочен и могуч может быть истинно народный русский язык, которым владел наш бородатый уральский сказочник.

А Новомодье – это время волшебства и чудес, как и сами сказы П. П. Бажова. В волшебной стране свои цены и законы. Знаете, КАК родилась первая сказка о Хозяйке Медной горы? Это история вполне мистическая и сказочная, сама почти фантастика, достойная бажовского сказа.

В 1936 году Бажову шел пятьдесят восьмой год. Он уже кое-что публиковал в прессе. Но книг не было. 1930-е годы вообще были крайне тяжелыми и сложными и для страны, и для каждого человека. Например, в 1934 году отклонили одну бажовскую книгу – не старинных сказов, о них он и не заикался – о социалистическом строительстве. В 1935 году трагически погиб сын Бажова – девятнадцатилетний Алексей. А в середине года Бажова вызвали в местное отделение НКВД. Пойти – можно и не вернуться. Не пойти – сами придут. По стране ведь уже шли пока еще, правда, не массовые поиски «врагов народа».

И вот Бажов пришел к следователю – никакой же вины за собой он не чувал. Ну, изучает он историю уральского края. Он же учитель, иногда даже пишет статьи в местные газеты. И вот теперь сидит перед дверью кабинета. Вошли уже двое. И обоих вывели под конвоем. Арестовали. Может, и его так же?...

Сердце глухо стучало. Страшно. Муторно. Чтобы хоть как-то отвлечься, Бажов начал вспоминать свою новую задумку. Он уже давно собирался начать писать сказы. Можно составить сборник. Назвать «Уральские сказы», а еще лучше «Малахитовая шкатулка». Куда же еще складывать сказы, ведь они и сами как драгоценности. Старинные драгоценности народной фантазии, не потерявшие своего очарования и притяжения. Почему-то в голове всплыл образ Малахитницы – Хозяйки Медной Азовской горы. И начала сочиняться сказка. Нет – сказ! Потому что там будет про староуральскую совсем не сказочную жизнь.

Но ведь это же надо записать! А у Бажова ни клочка бумаги, ни карандашика. А ведь Хозяйка требовала – записать немедленно! Павел Петрович встал и, словно во сне, пошел по длинному коридору к выходу. Его никто не остановил. На выходе даже не спросили пропуска, а ведь обычно спрашивают! Но тут Бажов вышел беспрепятственно.

Он торопился домой. Вошел и сразу же сел к столу, включил свою старенькую зеленую лампу. Скорее записать! Он писал всю неделю. Переписывал. Правил. Не выходил на улицу. Работал. Никак не мог добиться нужного результата, найти нужные слова. А когда закончил, пришел в ужас. Ведь он самовольно ушел из всеильного учреждения. Его же, наверное, уже ищут. Найдут. Арестуют. Шутка ли – самовол!

Но никто его не искал. Оказалось, что следователь, который вызывал Бажова на допрос, за эту неделю и сам попал под арест. Дела его то ли никому не передали, то ли следователь вообще не успел завести «дело Бажова», но повторного вызова не последовало.

Так что же получилось? Выходит, Хозяйка Медной горы заявила свои права на сказочника Бажова. И может, то, что она совершенно мистическим образом заставила его уйти из страшного учреждения, спасло ему жизнь? В мире сказки свои законы. Сказ про Малахитницу должен был сочиниться и выйти к людям. Не потому ли, когда его хотели обругать в передовице «Правды» 1936 года и запретить Бажову писать новые сказы, нашелся неожиданный, но весьма влиятельный защитник – культовый в то время поэт Демьян Бедный. Он рьяно выступил на газетной летучке «Правды», показал книгу известного и признанного властями путешественника Семенова-Тян-Шанского, где тот с воодушевлением рассказывал о легендах Азова и других уральских мест.

За эту защиту Бажов остался благодарен Демьяну Бедному на всю жизнь. Вот только тихий, не разбирающийся в политике, ничего не подозревающий о литературных интригах автор «Уральских сказов» много позже узнал истинную подоплеку заступничества Демьяна Бедного. Недаром про того говорили, что он без собственной выгоды ничего не делает. Оказалось, и теперь так вышло. Демьян, прочтя сказы Бажова, быстро понял их красоту и силу воздействия на читателя. И тогда он переложил эти сюжеты в стихи, чтобы потом выдать за собственные сказочные поэмы. Ну не давала ему спать слава поэтических пушкинских сказок! Решил Демьян выше Пушкина подняться, а почему нет, с такими-то сюжетами. Да только тут облом вышел.

Не появилась в газете «Правда» разгромная статья, и не запретил никто сказов Бажова. А он и дальше их писать стал. Уже и в сборник, в «Малахитовую шкатулку», собирать начал. Ну и проговорился журналистам и в предисловии написал, что на самом-то деле по памяти те сюжеты, что слышал в детстве от старых уральских рабочих (он ведь и сам вырос на прииске), не особо запомнил. Так что теперь, спустя десятилетия, многое выдумал сам, сочинил целостные сюжетные ходы, по-своему обрисовал и героев, и обстановку, включил (ведь он был учителем), множество реальных исторических деталей, ввел в персонажи некогда существующих людей и даже исторических личностей. Словом, представил читателям не фольклорную обработку, а совершенно авторские сказы.

А Бажова уже никто не мог остановить. Сказы выходили из-под его пера настолько естественно, будто он и родился, чтобы их сочинять. Это были абсолютно авторские произведения – с неповторимой бажовской интонацией, с его знанием истории своего края, атмосферой истинной доброты, что бывает только в сердцах тех людей, кто и сам прожил нелегкую жизнь.

Так кто же они такие, странные герои Бажова – Хозяйка Медной горы, Великий Полоз, Серебряное копытце? Конечно, они хранители самой земли – ее гор, лесов, драгоценных камней, россыпного золота, природных богатств и минералов. Но знаете, как сказал сам Бажов?

«Они – потайные силы, души природы. Пока человек природу хранит, и она ему помогает. Как начинает природу – хоть свою, хоть земную – пакостить, то и природа ему отомстит».

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ КОРОВИНОЙ ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА «СЕРЕБРЯНОЕ ЧУДО»

Закончить наш «Бажовский календарь» мы хотим одним из жанров фольклора – пословицами. В этих маленьких шедеврах народного творчества содержится вся сила слова, мудрость предков и заветы молодому поколению. Бажов признавался: «Ищу слова мучительно долго... Над словом работаю... Работа у меня ювелирная...» Мы подобрали пословицы, которые, на наш взгляд, отражают суть героев сказов П. П. Бажова.

ДЕД СЛЫШКО



” БЕЗ СТАРЫХ ЛУДЕЙ
НЕ ПРИМЕШЬ МУДРОГО РЕШЕНИЯ.

ХОЗЯЙКА МЕДНОЙ ГОРЫ

” ГДЕ ТАЛАНТ,
ТАМ И НАДЕЖДА.



ГОРНЫЙ МАСТЕР

” С МАСТЕРСТВОМ ЛЮДИ НЕ
РОДЯТСЯ, НО ДОБЫТЫМ МАСТЕР-
СТВОМ ГОРДЯТСЯ.



ДАНИЛА-МАСТЕР



” КАКОВ МАСТЕР, ТАКОВА
И РАБОТА.

ГОЛУБАЯ ЗМЕЙКА

” ДОБРЫЕ ПОСТУПКИ НЕ
ОСТАЮТСЯ НЕЗАМЕЧЕННЫМИ.



ВЕЛИКИЙ ПОЛОЗ



” КТО ЧЕСТЕН И ТРУДОЛЮБИВ, ТОГО И ЗОЛОТО ЛЮБИТ.

ЗОЛОТОЙ ВОЛОС

” В ТЕРПЕНИИ СКРЫТО ЗОЛОТО.



КОШКИ



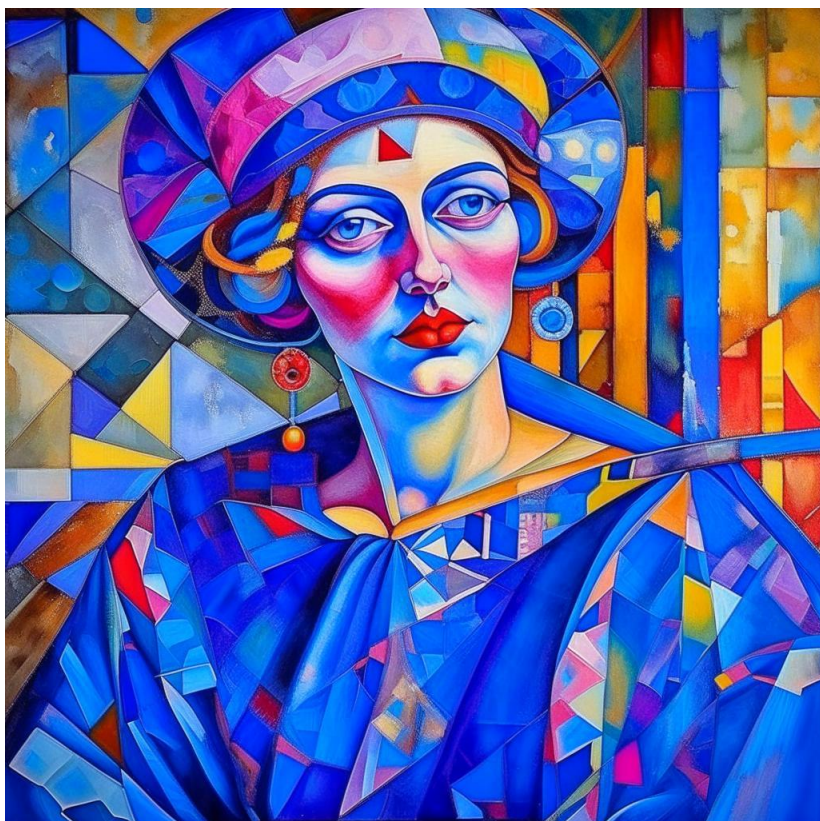
” ЧУДО ПРИДЕТ, ЕСЛИ
В СЕРДЦЕ ДОБРО ЖИВЕТ.

ОГНЕВУШКА-ПОСКАКУШКА

” ЛУЧШЕ В МАЛОМ УДАЧА,
ЧЕМ В БОЛЬШОМ ПРОВАЛ.



СИНЮШКА



” ГДЕ ТРУД – ТАМ И СЧАСТЬЕ.

СЕРЕБРЯНОЕ КОПЫТЦЕ

” КТО ДОБРО ТВОРИТ, ТОМУ
БОГ ОПЛАТИТ.



ЕСЛИ ВЫ УДАЧНО ВЫБЕРЕТЕ ТРУД
И ВЛОЖИТЕ В НЕГО ВСЮ СВОЮ ДУШУ,
ТО СЧАСТЬЕ САМО ОТЫЩЕТ ВАС.

К. Д. Ушинский



Справочное издание

МАЛАХИТОВАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
к 145-летию уральского писателя
Павла Петровича Бажова
календарь ◦ 2024

Составитель О. И. Калинина

Государственное бюджетное учреждение культуры
Свердловской области
«Свердловская областная межнациональная библиотека»
620146, г. Екатеринбург, ул. Академика Бардина, 28
тел.: + 7 (343) 211-07-00
сайт: www.somb.ru

